

Татьяна Тронина

*Магнолии,
девушка,
солнце...*

Татьяна Трoнина

Магнолии, девушка, солнце...

«ЭКСМО»

2009

Трoнина Т. М.

Магнолии, девушка, солнце... / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2009

Судьба оказалась щедра к красавице Марусе, полной рукой отмерив ей и солнца, и пасмурных дней, и ненависти, и любви. В жизни ее ждало столько роковых переплетений, опасных поворотов и отчаянных, безнадежных на первый взгляд ситуаций, что куда уж любому роману! Но пока судьба только начинает ткать свой узор, а значит, можно улыбаться, танцевать под огромными южными звездами и нежиться в теплых волнах Средиземного моря...

© Трoнина Т. М., 2009

© Эксмо, 2009

Татьяна Тронина

Магнолии, девушка, солнце...

Июль.

Едва она только шагнула из прохладной тени аэропорта на турецкую землю, как почувствовала нечто вроде удара. Она еще не знала, что солнце может быть столь жестоким, и в первый момент решила, что находится поблизости с работающим самолетным двигателем, выдыхающим раскаленный жар (аэропорт же!), и растерянно оглянулась.

Но никаких самолетов рядом не было – за спиной возвышалась лишь стеклянная стена аэровокзала, за которой смутными тенями мелькали силуэты людей.

– Маруся, ну ты чего встала? – устало и раздраженно прикрикнула на нее Людмила Светлякова, лучшая подруга.

– Люд, я не понимаю... – пробормотала она. – А это что?

– Где?

– Ну, вот это... – Маруся неопределенно повела рукой вокруг.

– Это, милая моя, Турция.

– А почему так жарко?

– Я же говорю – Турция! – нетерпеливо закричала Людмила и потянула ее за рукав футболки. – Пошли, пошли... Вон он стоит, этот, как его... Бурхан!

Под длинным навесом впереди стояла толпа встречающих – с табличками, было множество стоек с названиями туроператоров – непонятно, как Людмила могла углядеть в этой толпе Бурхана, менеджера принимающей их компании, чье лицо она знала только по фотографии.

Открыв рот и вытаращив глаза, словно выброшенная на берег рыба, Маруся все еще не могла понять, что же такое происходит. Неужели может быть *настолько* жарко? И в такую погоду придется еще и работать, ко всему прочему?..

– Людка, давай вернемся! – с ужасом закричала Маруся. – Я здесь сдохну, честное слово!

– Не глупи, Гагарина. Привыкнешь, – сурово бросила через плечо Людмила, волоча за собой объемистый чемодан на колесиках. – Надень панамку и очки.

– Люда, но это невозможно! – закричала Маруся, готовая вот-вот разрыдаться. До того Маруся была только в Крыму да несколько раз, в детстве, отдыхала в Сочи с мамой, но там солнце было гораздо, гораздо добрее... Людмиле было проще – она неоднократно выезжала по туристическим путевкам то в Турцию, то в Египет, то в Грецию – и потому была хотя бы морально готова к тому тепловому шоку, который теперь на них обрушился.

– Я же сказала – привыкнешь.

– Господи, господи, господи... – с тихим, уже безнадежным отчаянием зашептала Маруся и помчалась к спасительной тени, которая царилла впереди, под навесом с встречающими.

Ну ладно они с Людкой – они ехали сюда работать... А зачем сюда так стремились все эти туристы, зачем они добровольно обрекали себя на такую пытку солнцем?

Бурхан дружелюбно поздоровался с ними – оказывается, он ждал еще двух ребят из Баку и одну девушку из Казахстана.

Когда все наконец собрались, Маруся взмокла так, словно на нее вылили целый ушат воды.

– Людочка, это что, я теперь все время буду так потеть? – прошептала она на ухо подруге.

– Привыкнешь, я сказала.

– Я думаю, нет, – безнадежно вздохнула Маруся. – Я думаю, я умру здесь скоро. Через час, через два...

Она ругала себя за то, что согласилась на эту авантюру, поддавшись уговорам подруги («Пойми, Маруся, – море, солнце... Нам еще и деньги заплатят в придачу!»).

Маруся на эти уговоры согласилась не сразу – во-первых, пугали ужасы, которые могли случиться на знойном юге со светловолосой девушкой, во-вторых, страшила возможность обмана – а ну как денег в конце концов не заплатят?

Но Людмила успокоила ее – они устраиваются на работу через хорошо зарекомендовавшее себя агентство, не ограничиваются устной договоренностью, а подписывают контракт (документ, между прочим!). Ну, а ужасов, в принципе, быть не должно, поскольку на подобную работу устраиваются юноши и девушки со всего мира.

Ошибка Маруси, как и подавляющего большинства людей, заключалась в том, что она боялась не того, чего в действительности надо было бояться.

Солнце.

Бог ты мой, кто же знал, что солнце может быть таким жестоким...

Когда прибыли ребята из Баку и казашка, то Бурхан повел их всех через ряды автобусов к тому месту, где стояла его машина.

Выйдя из тени, Маруся снова испытала приступ панической атаки. Казашка – у нее было вполне европейское имя, Эрика, – весело щебетала по дороге, ребята из Баку успели познакомиться с Людмилой... И только Маруся ошеломленно молчала.

В микроавтобусе Бурхана было довольно прохладно – работал кондиционер.

– Наш отель – самый лучший на побережье, – сказал Бурхан на довольно приличном русском. – Ну, погнали!

...До того Маруся не знала, кто такие аниматоры. Она слышала, что анимация – это нечто, связанное с мультипликацией, а, например, анимэ – японские мультики, довольно сейчас популярные. Но вот о том, что работники развлекательного жанра тоже называются аниматорами, она не подозревала.

Когда-то давно Маруся занималась фигурным катанием («Никаких перспектив: полное отсутствие честолюбия!» – вздыхал тренер), потом закончила институт физкультуры и вела сеансы специальной гимнастики в поликлинике восстановительного лечения. А еще она отлично танцевала. И неплохо знала два языка – английский и немецкий.

Людмила, лучшая подруга, тоже отлично танцевала – ездила с гастрольями в составе ансамбля, в репертуаре которого были пляски народов мира, пока не удрала оттуда – «из-за интриг», по ее выражению. Языки она знала хуже, но все-таки могла довольно внятно объясниться на английском и с грехом пополам – на немецком.

И вот, уволившись, Людмила решила начать жизнь с нового листа и для того подбила Марусю уйти из поликлиники, в которой платили мало, и, ко всему прочему, «не было никаких перспектив для карьерного роста» (тоже Людмилино выражение).

– Ты должна увидеть мир, Гагарина, – добавила она. – И, кроме того, надо же как-то личную жизнь устраивать! А где еще ее устраивать, как не на курорте?

– Но мы же там работать будем! – пыталась возразить Маруся.

– Вот именно! У нас будет прекрасная возможность познакомиться с каким-нибудь денежным мешком. Или даже найти приличного иностранца!

– Можно просто съездить за границу, на море – как туристки...

– Во-первых, у нас денег не хватит, чтобы съездить туда надолго. Неделя, ну две... разве за две недели кого-нибудь найдешь! И потом, ты же не станешь бегать там за мужчинами, а будешь уныло валяться под зонтиком, дожидаясь, пока хоть кто-нибудь обратит на тебя внимание. А вот если ты аниматор, то можешь приставать к кому угодно – имеешь полное право!

– Сама же говорила, что аниматор не может быть навязчивым, – напомнила Маруся. – И потом, я же замужем... Какие женихи?

– Сколько лет ты замужем? – сурово спросила Людмила.

– Три. То есть, вру... уже пять!

– И сколько лет вы вместе не живете?

– Два, два с половиной, – прикинула Маруся. – Но все равно...

– Ой, какая же ты чудная... Ты сама как думаешь – твой Женька вернется к тебе или нет?

– Вряд ли, – честно ответила Маруся. – Инга Савельевна не позволит – это раз. Потом, у Евгения сейчас новая пассия – это два. Ну, и потом: я его не люблю – это три...

– Так чего же не разводитесь?

Маруся пожала плечами.

– Да как-то все не до того...

– А я вот знаю, почему вы не разводитесь, – ехидно сказала Людмила. – Потому что тогда твоему Женьке придется жениться на своей новой пассии, а этого ему совсем не хочется. Он же страшный эгоист, он тобой прикрывается!

– Людка, а ты не эгоистка – собралась искать денежный мешок?..

– Марусечка, я действую совершенно бескорыстно – в первую очередь я тебе мир собираюсь показать, вот что!

Работники агентства, в котором они нанимались на работу, посетовали на их возраст (обоим было по двадцать восемь, а в аниматоры идут обычно граждане студенческого возраста), но тут же отметили, что подруги выглядят гораздо моложе своих лет, спортивные и подтянутые. Ну, а знание иностранных языков было определяющим.

И они поехали.

Так что теперь, сидя в автобусе, который на бешеной скорости мчался по серпантину, рассекая раскаленный воздух, Маруся не знала, кого ей ругать – себя или авантюристку Людмилу...

...Пятизвездочный отель, чье название переводилось примерно как «Королевская мечта», произвел на Марусю неизгладимое впечатление – она даже передумала умирать сегодня и отложила свою гибель от нестерпимого зноя на завтрашний день.

Людмила сказала – ничего особенного, отель как отель, но Маруся, воспитанная на отечественном сервисе, была восхищена до глубины души.

«Мечта» показалась ей огромной – ну как же, рассчитана на тысячу человек! Четыре бассейна, водные горки, четыре ресторана, амфитеатр, чистейший пляж с шезлонгами и зонтиками, полотенца – бесплатно! Цветы, пальмы, сосны... Дивный сон!

Обслуживающий персонал жил в мини-квартале за территорией отеля.

Людмилу и Марусю поселили в одном номере, показавшемся Марусе роскошным.

– Ну, ничего особенного... – скептически пожала плечами Людмила. – А вот в соседнем отеле аниматоры живут в гостевых номерах. Там и кондиционеры, и телевизоры с телефонами.

– Серьезно? – ахнула Маруся.

– Абсолютно. Только все эти блага цивилизации нам ни к чему – мы дома сидеть не будем, а ночью в Турции можно и без кондиционера.

Маруся, с которой пот лил градом, не согласилась.

– Слушай, а чем это тут пахнет? – неожиданно Людмила сморщила нос и распахнула дверь, ведущую в совместный санузел.

Маруся, принявшись, тоже почувствовала затхлый сероводородный запах, который говорил о старой канализации, неприятный, но, в утешение, совсем слабый.

– Подумаешь! – сказала она, побрызгав вокруг освежителем воздуха. – Едва-едва... Да ты совсем у нас принцесса!

– А ты, Маруська, дитя коммуналки – тебе все нипочем, – недовольно буркнула Людмила.

Это было правдой – в Москве Маруся жила не одна, а с соседями, пьющим холостяком Виталиком, давно махнувшим на себя рукой, и старой девой Алевтиной.

В номер заглянула соседка Алиса – миловидная, загорелая до черноты девушка из Нижнего Новгорода, которая работала здесь второй сезон.

– Привет, девчонки... А это что у вас? – Алиса засмеялась, глядя, как вновь прибывшие развешивают свои наряды в шкафу – платья, кофточки, сарафаны.

– А что такое? – подозрительно спросила Людмила.

– Да вам ничего из этого не понадобится! Эх, надо же, сколько лишнего барахла тащили на себе...

– Почему?

– Да потому что кроме шорт, маек, нескольких купальников и пары сланцев ничего здесь не надо. Платья и костюмы? Ой, да не смешите вы меня, для вечернего шоу вам все это выдадут в костюмерной!

– А что надо было брать? – огорченно спросила Маруся, вытирая вспотевший лоб.

– Побольше крема от солнца, средств гигиены – все это расходуется в геометрической прогрессии, а покупать здесь – дорого. И сигареты здесь дико дорогие – 3–4 евро за пачку.

– Про сигареты-то я и забыла... – расстроено пробормотала Людмила. Она курила. – Знала и забыла!

– Короче – банные полотенца дает отель, белье и уборка комнат – раз в неделю, ландери, то есть прачечная – все бесплатно. Медицинское обслуживание – тоже бесплатно.

– Это мы знаем... – вяло отмахнулась Людмила – она все еще переживала по поводу сигарет. – А курить-то тут можно?

– В нашем отеле – да, но, разумеется, не во время работы. Пить – запрещено. Могут выгнать, если попадешься несколько раз. Работаем от зари до зари, но в свободное время делай что хочешь, только, разумеется, не при начальстве.

– Нас еще в Москве предупреждали – штрафы тут берут... – сказала Маруся.

– Да. За алкоголь, за то, что болтаешь по мобильному во время работы, за то, что опоздала на летучку, за невыполнение своих обязанностей, за мрачное выражение лица... Поэтому улыбайтесь, девочки, всегда улыбайтесь! Но самое неприятное, когда лишают дэй офф – свободного дня, то есть твоего законного выходного. И главное – никогда не выясняйте отношения с нашим шеф-аниматором или главным менеджером отеля. Если не уволят, то такую «веселую» жизнь устроят!

– Ну а романы? – осторожно спросила Людмила.

– Забудьте вы про личную жизнь! – усмехнулась Алиса. – Во-первых, на это ни времени, ни сил у вас не останется, а во-вторых, шуры-муры с отдыхающими тоже запрещены. По крайней мере, официально... Хотя ребята, которые здесь работают, я не только об аниматорах говорю, активно крутят шуры-муры с туристками, иногда даже за деньги. Получат их от какой-нибудь толстой старой немки, а потом спустят на нашу русскую Наташу... Да и просто любителей развлечься тут немало. Я теперь, когда уезжаю на зиму в Россию, без смеха слушать не могу, как мне там знакомые девчонки рассказывают о неземной любви с турецким аниматором во время турпоездки, как тот плакал во-от такими слезами, провожая ее домой...

Господи, у нас есть тут один такой, Хамид, он каждый раз такое представление устраивает, так рыдает, прощаясь с очередной туристкой – только держись! Да, еще советую купить здешнюю сим-карту – дешевле выйдет. Вы ведь будете к себе домой звонить? – под конец спохватилась Алиса.

– Да, – сказала Маруся, у которой в Москве оставалась мама.

– Нет, – одновременно с ней ответила Людмила, у которой в Москве не было никого.

– А теперь пошли. Работать пора!

Так у Маруси началась новая жизнь.

Первые дня два она просто изнемогала от жары – казалось, к турецкому солнцу привыкнуть нельзя, но потом все-таки привыкла. Кожа, хоть и щедро сдобренная специальным кремом, горела. Мышцы ныли от усталости – приходилось все время плясать, скакать, бегать,

прыгать, развлекая отдыхающих. Главный принцип работы отдыхающего был таков – гость ни в коем случае не должен скучать!

И все время улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Когда Маруся с Людмилой устраивались на эту работу в Москве, то им сказали, что анимация – это и не работа вовсе, а практически тот же отдых. Солнце, море, бесплатное питание и проживание...

На самом деле этот труд назвать легким было никак нельзя. Помимо участия в развлекательных шоу была еще и спортивная программа – с гостями отеля полагалось проводить утреннюю гимнастику, играть в волейбол, футбол, заниматься с ними аэробикой – обычной и водной, в бассейне...

День строился следующим образом: с девяти до девяти тридцати утра – завтрак, причем аниматоры, в отличие от другого обслуживающего персонала в отеле, питались вместе со всеми другими отдыхающими: еда и безалкогольные напитки – без ограничений.

В девять тридцать – нечто вроде летучки. Собиралась вся команда, обсуждали программу на весь день. Далее проводились «активити» – спортивно-развлекательные игры (крокет, стрельба из лука, мини-гольф и т. п.). С двенадцати до часу дня – игры у бассейна и спортивные конкурсы (например, на лучшего ныряльщика или лучшего пловца). Затем был обед – команде аниматоров перед обедом, а также перед ужином полагалось встречать гостей, желать им приятного аппетита, веселить разговорами и информировать о развлекательных шоу («энтеренс»), которые должны будут состояться в ближайшем времени. Обедали сами, немного времени на отдых...

Далее, с половины четвертого дня до пяти, работа продолжалась с новыми силами – опять спортивно-развлекательные игры (футбол, баскетбол, волейбол, уроки танцев, теннис и т. д. и т. п.).

После ужина начиналась культурно-развлекательная программа – живая музыка, для детей проводились мини-дискотеки, велись всяческие конкурсы, викторины, лотереи...

С половины одиннадцатого вечера и до очень глубокой ночи было вечернее шоу и дискотека для взрослых – аниматоры плясали с гостями, учили танцевать – и т. д. и т. д. и т. д. ...

Шеф-аниматор Али постоянно песочил своих подопечных, и не дай бог кому из гостей было пожаловаться на персонал – виновному (даже если он не был виновным) доставалось по полной программе.

– Одно утешает, – как-то заметила Людмила, которой досталось от шефа за нерадивость, – то, что над нашим хмырем есть еще один хмырь, а над тем – еще, а над всеми – Главный Босс, владелец отеля.

Кроме того, здесь все было поделено на кланы – клан уборщиков, которые подчинялись своему начальнику, клан официантов – у них был свой начальник, отдельный клан садовников... И между всеми ими шла скрытая война, особенно среди низшего звена. «Стучали» все и на всех, но особенно доставалось аниматорам от уборщиков и официантов – поскольку первые получали больше, развлекали гостей (а не носились с подносами, не стояли у плиты и полы тоже не драили) и питались тоже в общем ресторане с гостями, а не тем, что осталось после налета отдыхающих на «шведский стол»...

Утром средний персонал на «летучках» выяснял отношения с младшим, а днем старший персонал критиковал средний. Однажды Маруся своими глазами видела, как Али с трагическим лицом молился перед дневным собранием – видимо, ему грозил серьезный нагоняй от вышестоящего начальства за какой-то проступок.

Отдельная история – отношения между аниматорами и гостями. В основном все проходило более-менее нормально, но бывали случаи, когда напившиеся отдыхающие затевали драку, обижали аниматоров, тогда надо отдать должное охране – она пресекала подобные выходы.

Но отдыхающие могли написать жалобу на аниматоров. На «летучках» всегда обсуждались гостевые комментарии («комментсы») туристов – зачитывались те самые бумажки с просьбами оценить сервис в отеле. Туристы, наверное, думали, что эти бумажки никогда не читают и анкеты в них существуют лишь для проформы – ан нет! Это было страшное оружие – особенно если нечто плохое было написано про кого-то конкретного.

Однажды Эрика в шутку потащила каких-то девочек на аэробiku за руки. Девочки смеялись, особо не сопротивляясь, – это была игра, но их маме поведение Эрики не понравилось. Мама написала в «комментсе» – Эрика навязчива (у каждого из обслуживающего персонала висела на груди табличка с именем). Что было! Эрику чуть не уволили, и шеф-аниматор Али распекал ее до обеда, объясняя, как важно уважать гостей.

Но, в общем, несмотря на все обиды, неприятности и постоянную занятость, Марусе эта работа вдруг начала нравиться. Вырабатывалась особая устойчивость перед стрессами. Она научилась быстро принимать решения – в чужой стране с чужим менталитетом. Научилась быть всегда доброжелательной и с легкостью идти на контакт с совершенно незнакомыми людьми. Маруся имела явную способность к языкам и потому скоро стала довольно бойко болтать по-турецки – и с этих пор ее стал уважать местный персонал. Может быть, поэтому Марусю на «летучках» песочили реже других и жалоб на нее тоже было меньше.

Но однажды с Марусей произошел странный случай.

В отеле решили устроить тематическую вечеринку на футбольном поле. Накануне на нем расставили столы, стулья, по углам расположили барные стойки и переносные мангалы, быстро соорудили сцену.

Все утро Маруся с командой репетировали – собирались разыграть пьесу, сюжетом очень сильно смахивающую на «Рабыню Изауру».

Под «Изауру» загримировали Марусю. Она – невысокая, с кукольным примерным личиком, в гриме была – точь-в-точь Луселия Сантос из культового сериала. Большой черный парик завершал полное перевоплощение.

Вместо ужина гости отеля собрались на поляне. Задымили мангалы, официанты забегали вдоль столов, разнося закуски и вино, на большом противне зашкворчали стейки из тунца...

Аниматоры разыграли на сцене представление – действие пьесы то и дело вырывалось в зал. Зрители активно подыгрывали, хлопали, и никого не волновало, насколько старания сводной команды комедиантов из разных стран соответствуют системе Станиславского.

Потом устроили «аукцион» рабов. Это была тоже шутка, призванная развеселить публику – разумеется, никто из команды аниматоров не собирался продаваться всерьез, да и зрители не думали превращаться в рабовладельцев.

«Изаура» досталась длинному тощему немцу в круглых очках – он дико хохотал, отпускал сомнительные комплименты, а его жена, полная, стриженная, недовольно косилась на Марусю.

Маруся уже научилась к тому времени чувствовать настроение гостей – она мило поболтала с очкастым немцем и, раздавая воздушные поцелуи, удрала из-за стола (к чему долго злить дочереву жену – еще нажалуется начальству чего доброго...).

Вдруг ее схватили за руку и потянули.

Под разросшимся цветочным кустом был столик, за которым сидел один-единственный гость – мужчина лет тридцати пяти. Судя по всему, он был довольно высокого роста. Плотный, с большими ладонями, большими ступнями ног, которые торчали из-под стола (размер сорок пятый, не меньше), с большой головой и странным выражением лица. По каким-то неуловимым признакам Маруся поняла, что этот человек – русский, ее соотечественник.

– Привет, как дела? – дежурно улыбнулась она, осторожно пытаясь освободить свою руку. – Как вам нравится здесь отдыхать?

– Полный отстой, – усмехнулся тот. Маруся глазами искала охрану – обычно те всегда находились поблизости, но на футбольном поле было слишком много людей, да и стемнело уже, а свет фонарей в этом уголке скрадывался разросшимися кустами.

– И чем же вы недовольны? – ласково сказала она. – Может быть, потанцуем? – На другой стороне поля, у сцены, кружились под музыку пары. Там было светло, там была охрана...

– Не, не хочу, – лениво сказал тот. – Поговори со мной.

Этот человек чем-то не нравился Марусе, но тем не менее она весело сказала, стараясь без излишней грубости освободить свою руку:

– Ну, а хотя бы сегодняшнее представление произвело на вас впечатление?

– Не. Бодяга какая-то... – вздохнул тот, упорно не разжимая пальцев на ее запястье. – Варенье из соплей!

– Очень жаль. Вы извините, но мне надо идти.

– Не, сиди.

– Послушайте, если вы сейчас же не отпустите меня... – шепотом, угрожающе начала Маруся, но незнакомец вдруг очень больно выкрутил ей палец.

Слезы моментально выступили у нее на глазах, а от боли крик застрял где-то в гортани.

– Молчи. Если заорешь, совсем без пальца останешься, – спокойно произнес тот. – Я же сказал – поговорить хочу. Недолго. Поговорим, и катись на все четыре стороны...

– О чем? – выдавила из себя Маруся, инстинктивно страшась скандала, хотя в этом случае охрана была бы на ее стороне. И где они все, эти охранники, лодыри чертовы?.. Потом вдруг вспомнила – сегодня воскресенье, у шефа охраны – выходной, вот они и расслабились. Стоят где-то там, в сторонке, болтают между собой... «Завтра же пожалуюсь на них начальству!» – мстительно подумала она.

– О чем угодно, – милостиво произнес незнакомец. – Скучно мне тут, блин. Днем мозги от солнца плавятся, ночью не заснешь – музыка грохочет.

Он слегка ослабил свою хватку. Со стороны, наверное, они смотрелись вполне безобидно – сидят двое, мирно разговаривают, он нежно держит ее за руку...

– Почему же вы один сюда поехали? В компании-то всегда веселее...

– Много ты понимаешь! – в полутьме на его бледном большом лице мелькнула саркастическая усмешка. – Это ведь хуже всего – едешь с кем-то, а тебе нервы мотают... Ты поспать хочешь, а дружбан твой телик на полную мощность врубает!

– Так можно не с другом ехать, а с любимой девушкой.

– Не смейся. Это еще хуже – никакого отдыха точно не будет. Или пилить будет, или бегать по всяким дискотекам да барам, а ты за ней таскайся...

– Но одному ведь тоже скучно, так? – с трудом улыбнулась Маруся.

Он помолчал, разглядывая ее лицо странным, тяжелым, мрачным взглядом. Так, наверное, удав смотрит на кролика, перед тем как его съесть.

«Из бандитов, наверное... – печально решила Маруся. – Или напился чересчур? Да вроде не пахнет. Хотя, говорят, на некоторых алкоголь даже в малых количествах очень плохо действует!»

У него были темные волосы и, кажется, темные глаза. Потом он улыбнулся, показав крупные передние зубы. Этот человек был жесток и одновременно печален – наверное, именно потому казался таким странным.

– Ты красивая, – сказал он почти нежно. – Волосы-то свои? – Он дернул ее за прядь. – Э нет, парик...

– Отпустите меня, пожалуйста. Мне правда пора.

– Да что вы все рветесь от меня, как будто я прокаженный?! – с тоскливой угрозой воскликнул тот. – Мне ж ничего не надо, только поговорить немного...

– Нельзя заставлять других делать что-то против их воли, – тихо произнесла Маруся. – Можно только просить. Я по себе знаю: когда требуешь чего-то – точно этого не получишь.

– Просить? – фыркнул тот. – А разве я не просил?

– Нет. Вы просто схватили меня и заставили сидеть рядом.

– А если б я попросил по-хорошему – осталась бы со мной?

– Конечно! Это ведь моя работа – развлекать людей, – серьезно ответила Маруся.

– Да врешь ты все... – вздохнул незнакомец. – А вообще, на хрена тебе эта работа? Тоже мне, удовольствие – мартышкой перед всякими уродами скакать!

– А кем я должна работать, по-вашему? – с вызовом спросила она.

– Ну, я не знаю... Типа чем-нибудь серьезным, – благодушно посоветовал тот. – Или замуж выйти!

– Я замужем.

– Вау! Она замужем... А где муж? Тоже тут где-то поблизости скачет? – незнакомец завертел головой.

На секунду он ослабил хватку – и Маруся, воспользовавшись этим обстоятельством, моментально вылетела из-за стола и отбежала на безопасное расстояние. Гремела музыка, а тут еще, ко всему прочему, где-то на пляже стали запускать фейерверки. Разноцветные огни взорвались в черном небе, дети завизжали от восторга...

И во время одной из вспышек Маруся еще раз увидела лицо незнакомца – странное, очень странное. Для себя она определила – лицо палача. Палача, который рубит головы и одновременно жаждет от мира большой и чистой любви...

Он, усмехнувшись, погрозил ей пальцем, грузно вылез из-за стола и пошел в другую сторону – туда, где стояли корпуса отеля. При ходьбе он смешно косолапил и теперь был похож на медведя-гризли, разбуженного посреди зимы, который решительно не знал, чем себя занять.

– Жуть... – раздраженно пробормотала Маруся и потеряла распухший палец, который незнакомец едва не выломил ей из сустава.

Далее вечеринка покатила по наезженным рельсам и ничего особенного больше не произошло. В конце концов, все эти «турецкие ночи» – экзотика лишь для туристов, а аниматоры очень скоро уже воспринимают свою работу как рутину.

И лишь через несколько часов, когда веселье стало затихать, Маруся отправилась к себе в номер. Она дико устала, и у нее было одно желание – принять душ и смыть с лица косметику.

Маруся пошла по пляжу домой – ни души, даже самые стойкие любители «зажигать» утомнились. Пляж был ярко освещен прожекторами, а черное море сливалось с черным небом – лишь прибрежные волны вились белыми кружевами, набегаая на песчаный берег.

И тогда Маруся села на один из лежаков, вдохнула в легкие теплый воздух и закрыла глаза. Легкая водяная пыль оседала у нее на лице, щекоча веки. Она была счастлива, несмотря на то, что была вдали от родины и уже давно не жила с мужем, что ей встречались личности вроде сегодняшнего типа, а завтра предстоял еще один тяжелый день.

– Маруся, ты?

Она оглянулась – к ней спешила Людмила.

– Ты чего здесь сидишь, а? Спать давно пора!

– Да так... Морем люблюсь.

– Морем? – засмеялась Людмила. – А оно тебе еще не надоело?

– Нет, море никогда не сможет надоест! – убежденно произнесла Маруся. Бросила на лежак парик, стянула через голову платье и зашлепала к воде, благо купальник она так и не сняла с утра.

– Маруся, только очень быстро!

– Ладно... – бросила она через плечо.

Вода была поразительно теплой, и прикосновения волн вызвали у Маруси дрожь восторга. Она нырнула, отплыла подальше от берега. Вода словно смывала с нее усталость, ласкала ее, даря покой не только телу, но и душе.

– Маруся, ну сколько можно!

Маруся вылезла на берег.

– Все, пошли, по дороге обсохнешь...

– Все-таки, Люда, нет ничего лучше этого Черного моря.

– Какого-какого?

– Черного. А что? – с недоумением спросила Маруся.

– Ну ты даешь... Ты что же, думаешь, вот это – Черное море? – Людмила указала рукой на волны.

– Ну да... А что же это?

– Дурочка! – застонала Людмила, согнувшись пополам от хохота. – Ты что же, всю дорогу думала, что это Черное море?!

– А какое еще? – испугалась и удивилась Маруся.

– Это же Средиземное! Ой, нет, не могу... Обязательно завтра ребятам расскажу! Маруся, ты шутишь?

– На море же не написано, какое оно – Черное или Средиземное! – рассердилась Маруся.

– Но разве ты не знала, куда едешь? – хохотала Людмила.

– Знала. В Турцию. А Турция – на Черном море.

– Ой, нет, не могу...

Маруся не выдержала и тоже принялась хохотать.

В номере они быстро приготовились ко сну. У Людмилы была дурная привычка – курить в постели.

– Люда, но это невозможно... – сонно пробормотала Маруся, отгоняя от себя прозрачные облачка дыма.

– Уж лучше табаком будет пахнуть, чем канализацией! – огрызнулась подруга. – Я, кстати, сантехника вызывала сегодня: он в трубах поковырялся, а толку – ноль. Тоже мне, профессионал! Погоди, у меня вроде были ароматические палочки...

– Потом, потом.

– Слушай, я сегодня с таким парнем познакомилась – просто фантастика! – спохватилась Людмила. – Его зовут Богдан, и он тоже из Москвы, представляешь? У него синие глаза, бородка такая испанская, очень стильная, и сеть собственных автосервисов!

– Ну и что? – пробормотала Маруся, все больше погружаясь в дрему.

– Господи, да я именно о таком и мечтала! – оживилась Людмила еще больше и пустилась в рассказ. Но Маруся услышала только начало: «Иду я, значит, мимо горки с аттракционами...» – а потом быстро и легко провалилась в сон.

...На рассвете в приоткрытую балконную дверь бесшумно скользнул теплый ветер и очень обрадовался тому, что у него появилась возможность всласть похозяйничать здесь. Он пролетел вдоль стен, фамильярно потрепал занавески, потом завис над маленьким столиком, заваленным тюбиками, коробочками, баночками, флакончиками, с интересом покружился над большой пластмассовой заколкой, в которой ярко блеснули разноцветные стразы.

Потом метнулся к потолку, прицелился и спикировал вниз. Его привлекло спустившееся с одной из кроватей покрывало – он принялся трепать его, поднимая с пола невесомую пыль.

Ветер скользнул по покрывалу вверх и обнял девушку, лежавшую на кровати, – обнял сразу всю, целиком, как хозяин. У нее были тонкие, с узкими щиколотками ноги, шоколадного оттенка загар, который обычно бывает у брюнеток. Темные, почти черные прямые волосы закрывали ей лицо. Ветер принялся сдувать их, чтобы получше разглядеть спящую. Та недовольно пробормотала что-то и перевернулась на спину – волосы упали на подушку. Теперь

стало ясно, что она очень хорошенькая, у нее смешной нос «уточкой» и длиннейшие темные ресницы. Вишневого оттенка узкие губы, маленькая родинка на подбородке.

Ветер защекотал ей ресницы – на миг та открыла глаза, блеснувшие темно-серым, свинцовым блеском, но потом снова закрыла их, прошептала невнятно: «Маруся, господи, как же вставать неохота...»

Этот шепот услышал только ветер, теперь прикинувший к ее губам. Он подхватил слова и суетливо, с готовностью попытался отнести их к другой кровати, очевидно, понимая, что они предназначаются для второй обитательницы этой комнаты.

Но не донес – слова растворились в воздухе на половине пути, распались на мельчайшие, невидимые составляющие и осели на пол.

Тем не менее ветер своего направления не изменил. Он скользнул по хлопковой простыне, в которую была закутана другая девушка, попытался стянуть ее, но тоже безуспешно. Ничего не оставалось, как только перебирать выгоревшие, золотисто-рыжеватые волосы, лежавшие на подушке. Волосы были жесткими и пружинистыми, солнце и соленая вода успели изрядно поработать над ними, сделав непослушными.

Ветер совсем уж было смирился с тем, что не увидит ее, и собирался скользнуть обратно в балконную дверь, на волю, как вдруг девушка пошевелилась и откинула с себя простыню. Она была в смешной пижаме из тонкого батиста, больше напоминающей детскую – со всеми этими кружавчиками, завязочками, рюшечками, с открытыми плечами и короткими панталонами. И телосложением она напоминала подростка – невысокая, тонкая, с едва заметной грудью и крошечными ступнями – на такие ножки не найти нормальной обуви. Кожа на открытых участках тела была розовато-смуглая, покрытая мелкими, едва заметными веснушками и светлыми золотистыми волосками, мягкими и почти незаметными. Наверное, на ощупь эта кожа напоминала бархатистую поверхность персика или абрикоса – ветер немедленно принялся щекотать и тормошить вторую обитательницу этой комнаты.

Она открыла глаза – зеленовато-серые, бессмысленные спросонья, и уставилась в потолок, по которому шустро бегали солнечные зайчики. Светлые брови, светлые пушистые ресницы, делавшие взгляд простым и бесхитростным, как у теленка.

Овальное ровное личико, прозрачные розовые губы, маленький подбородок – признак слабохарактерности его обладательницы.

Ветер знал всех живущих и живших на этой планете, он видел все со дня сотворения мира. Он был так же стар, как Земля, как сияние Солнца, как тусклый блеск Луны по ночам. Он был ровесником морю и рассыпанному повсюду песку. Точно с таким же нахальством он щекотал лица фараонов в Древнем Египте, завитые бороды ассирийских царей и пудренные щеки королей времен Ренессанса. Простолудинов и прочих же было – без числа.

Эта девушка оказалась одной из бесконечного числа многих, и она, как и все прочие, звонко чихнула, когда ветер весело защекотал ей ноздри.

– Апчихи! – сказала она. – Сквозняк какой-то...

– Будь здорова, – немедленно отозвалась Людмила с соседней кровати. – Который час?

– Спасибо, – пробормотала Маруся и, приподнявшись на локте, посмотрела на часы.

Потом упала назад и снова закрыла глаза. – Пора вставать.

– Так что же ты лежишь?

– Сейчас-сейчас... – Все так же, не открывая глаз, Маруся прикоснулась рукой к волосам и произнесла более твердым голосом: – Колтун какой-то на голове! Что с волосами делать, не представляю...

– Ничего, вернешься в Москву, все пройдет. Это от воды.

– Вчера один тип ко мне пристал, такой странный... Странный и страшный. У тебя бывало так – вроде ничего особенного, а тебе страшно, аж мороз по коже?

– Бывало, – легко согласилась Людмила и села на кровати. – Дел сегодня... С детьми одной тетки буду сидеть ночью, они с мужем на экскурсию уезжают, а детей брать с собой неохота...

У всех аниматоров в отеле была возможность подзаработать дополнительно – в свободное от основной работы время они могли предложить гостям свои услуги в качестве беби-ситтера, то есть няньки. Кроме этого, продавали CD-диски с музыкой (от продажи каждого шел в карман определенный процент), распространяли билеты лотереи «Бинго» – и тоже не бесплатно. Владельцы сувенирных лавок платили свой процент, если аниматоры приводили к ним покупателей...

После полудня Маруся оказалась по какой-то надобности в холле, где располагалась стойка администратора – «ресепшен». Здесь также встречали и провожали гостей – небольшая толпа ждала автобуса в аэропорт.

И вдруг Маруся увидела того самого незнакомца, едва не сломавшего ей палец. Тот в широких льняных шортах и оранжевой «гавайке» цедил через трубочку прозрачный коктейль из бокала, развалившись на плетеном диванчике.

Перед ним стояла сумка-тележка, а через плечо был перекинут планшет. «Уезжает!» – обрадовалась Маруся. Она спряталась за колонну и некоторое время пристально разглядывала этого человека, так бесцеремонно обошедшегося с ней накануне.

Объявили посадку – толпа плавно потекла к выходу. Незнакомец тоже встал и своей странной, тяжелой походкой направился к стеклянным раздвижным дверям, за которыми стоял автобус.

И только когда он сел в него, Маруся почувствовала облегчение. Она больше никогда и ни при каких обстоятельствах не хотела видеть этого человека.

Далее жизнь потекла в прежнем русле. Солнце светило, море набегало волнами на берег, одни отдыхающие сменяли других.

Основное правило работы оставалось прежним – чтобы гости не скучали, не сидели в своих номерах.

Однажды вечером, во время дискотеки, вдруг погас свет – вероятно, случился перепад электричества. Музыка затихла, возмущенно зашумели гости. Зажглось тусклое аварийное освещение.

– Внимание, шоу барабанов! – тут же закричала Алиса, схватила табуретку и принялась отстукивать на ней ритм. Другие аниматоры тоже принялись колотить по табуреткам – довольно слаженно и весело.

Некоторое время гости, хлопая в ладоши и смеясь, слушали это импровизированное «шоу», потом их интерес начал потихоньку ослабевать. Смех потихоньку затихал.

Тогда вперед выскочили Людмила с Марусей и принялись крутиться в танце живота. Публика моментально воспрянула духом, раздались одобрительные возгласы.

Танца хватило минут на десять, и публика снова начала скучать.

Тогда ребята грянули «Марсельезу» – в этот вечер на танцполе было особенно много французов. Бурные овации, зрители в один голос принялись подпевать. Далее наступила очередь «Подмосковных вечеров», которые тоже были хорошо приняты, но на третьей песне интерес публики снова принялся слабеть.

Но тут, к счастью, вспыхнул свет и вновь зазвучала музыка.

– Полчаса... – задыхаясь, прошептала Людмила, глядя на часы. – Ты представляешь, Марусенька, мы целых полчаса продержались!

Подруги вернулись в номер во второй половине ночи, измученные, но гордые тем, что их команда не дала зрителям разойтись.

– Фу, опять этот ужасный запах... – разозлилась Людмила. – Нет, я все-таки зажгу ароматические палочки!

... На следующий день, после утренней программы, когда Маруся с Людмилой снова вернулись к себе в номер, чтобы принять душ и переодеться, там было все перевернуто.

– Что это? – испуганно сказала Маруся. – Нас ограбили, что ли?..

Людмила, не говоря ни слова, принялась проверять это предположение, но скоро выяснилось, что ни одна вещь не пропала. Тем не менее все было разбросано в диком беспорядке, содержимое ящиков вытряхнуто на пол, тумбочки распахнуты, постели перевернуты...

– Маруся, это они нам «шмон» устроили! – закричала с яростью Людмила.

Они побежали к Али – жаловаться. Тот сидел у себя в кабинете, перебирал на столе бумаги.

– Али, что за дела, у нас в номере все перевернуто...

– Вы курите гашиш, – холодно произнес тот, не отрывая глаз от бумаг. – Вы уволены.

– Что мы курим? – вытаращила глаза Маруся, которая и обычных-то сигарет в рот не брала.

– Гашиш!

– Кто сказал?! – быстро, сквозь зубы, спросила Людмила.

– Все. Уборщик, охрана... Я в ярости. Вы уволены, вон!

С начальством спорить было бесполезно. Подруги, потерянные, вышли из кабинета, за их спинами захлопнулась дверь.

– Какой еще гашиш, елки-палки?! – Людмилу трясло от ярости. – Интересно, кто такую чушь про нас придумал?..

Маруся пожала плечами. Она чувствовала себя потерянной и точно оплеванной. Банально, но нет ничего хуже несправедливых обвинений...

– Слушай, это та толстая тетка, уборщица, – Рамиса, Раниса, или как ее там... – Людмила схватила Марусю за руку. – Точно! Я на нее позавчера пожаловалась, что она номер плохо убрала, а она в отместку решила на нас накапать!

– Но мы не курили гашиш! – Маруся всхлипнула.

– Да не реви ты... Нет, но какая же она дрянь!

Через некоторое время подруги догадались, какой «гашиш» им вменяли в вину – это были те самые ароматические палочки, которые они жгли прошлой ночью.

Но объяснять что-либо оказалось бесполезным – подруг уволили, и все.

К вечеру они уже были в аэропорту. Получилось так, что Людмила улетала первой, а Маруся – несколько позже, другим рейсом.

– Ничего, не переживай, – Людмила поцеловала ее на прощание. – Встретимся в Москве.

– Как все глупо получилось...

– Да ну, перестань! У меня эта работенка уже поперек горла стояла, – покачала та головой. – На самом деле, не мое это дело – дурочкой перед людьми плясать... Унизительно как-то! Слава богу, что деньги при нас остались, и неплохие, в общем-то, денежки... Честно заработанные!

Скоро Людмила улетела, а Маруся осталась одна. До ее рейса оставалось часа три.

Она принялась читать книжку – детектив, забытый в кресле кем-то из русскоязычных туристов, потом заглянула в «дьюти-фри» и купила себе хороший шампунь в качестве утешения.

– Смотри, вон тот парень в кино играет, – неподалеку от Маруси переговаривались пожилые, полные, загорелые до черноты женщины в панамках, похожие на две оплавившиеся на солнце шоколадки.

– Кто?

– Вон тот, в красной рубашке, крашенный – видишь? Месяц назад видела его в одном сериале...

– Ну и что?

– Как что! Интересно же... Он друга главного героя играл, пока его в пятой серии в собственном авто не взорвали!

– Да мало ли кого там взорвали! Идем, на самолет сейчас опоздаем...

Женщины ушли, а Маруся принялась рассматривать парня в красной рубашке – просто так, от скуки. Тот стоял возле полок со спиртным и задумчиво вертел в руках бутылку виски, видимо, решая: купить – не купить...

Он был высокого роста, худой. Довольно длинные, до плеч, золотистые волосы, темные у корней, черты лица правильные и выразительные. Не то чтобы этот человек выделялся какой-то особенной красотой – нет, но было в нем нечто особенное, что привлекало внимание, вызывало одобрительную улыбку. Наверное, он действительно был киноактером...

«Интересно, а какие роли он играет? – задумалась Маруся. – Готова поспорить – только положительные! Или он играет жертв – этаких несчастных обаяшек, которые обязаны вызывать сочувствие у зрителей!»

На какое-то время Маруся даже забыла обо всех своих неприятностях, она просто стояла и из-за полок с товарами разглядывала незнакомца. Этот человек вызывал приязнь – мгновенную, беспричинную. Абсолютный антипод того нахала, приставшего к Марусе в Турции, – вот каким был этот, тоже совершенно незнакомый ей человек!

Неожиданно он поднял глаза – ярко-синие, точно сапфиры. Поразительные глаза... Маруся ахнула и тут же отвернулась, сдерживая волнение и смущение. Она не хотела показаться бесцеремонной, хотя работа аниматором сумела здорово раскрепостить ее.

Она подхватила свою сумку, расплатилась у кассы за шампунь и тут увидела, что регистрация на ее рейс только-только началась. Красавчик из «дьюти-фри» был моментально выкинут из головы, и Маруся бегом поскакала к стойке, пока там еще почти никого не было.

Все происходило в каком-то бодром, ускоренном темпе—и меньше чем через час Маруся сидела в салоне самолета одной из первых. У самого окна!

«В конце концов, все закончилось не так уж плохо... Да, было неприятно, что нас с Людой выставили с позором из этого отеля, но мы-то знаем, что на самом деле ничего плохого не делали! И, кажется, я соскучилась по дому...»

В салон все набивались и набивались люди, стюардессы быстро управляли их потоком. Маруся заранее застегнула ремень безопасности и, закрыв глаза, откинулась назад. Она решила, что будет спать до самой Москвы. Сон – вот чего ей так не хватало все это время!

Потом, через минуту, почувствовала, как кто-то садится рядом.

– Привет.

Она открыла глаза и увидела давешнего красавчика в красной рубахе. Он был ее соседом.

– Привет... – удивленно ответила она. Не выдержала—и улыбнулась.

– Домой?

– Домой, – утвердительно кивнула она. Сердце забилось быстрее. Они будут сидеть рядом и болтать до самого Домодедова. К черту сон!

– Сеня...

– Маруся. Сеня – это Семен?

– Нет, Сеня – это Арсений, – охотно пояснил тот. Теперь, вблизи, Маруся поняла, что парень этот не такой уж юный, каким показался ей в первый раз. Ему за тридцать определенно.

– А Маруся – это Мария?

– Да. Ты актер?

– Откуда ты знаешь? – Он тоже улыбнулся и стал еще ровно в тысячу раз милее. Маруся, которая и так испытывавшая к этому Сене внезапную, почти беспричинную приязнь, теперь была уже полностью покорена. – Кино со мной видела? Ведь я, если честно, мало снимался.

– Слышала – женщины в аэропорту говорили... Ты взрываешься в пятой серии в собственном авто.

– Точно! – обрадовался он. – Но это такое мыло! А ты чем занимаешься?

Маруся рассказала ему о себе. Вывалила все и сразу – как занималась фигурным катанием, как работала в поликлинике восстановительного лечения, как попала в Турцию, как их с Людмилой выгнали оттуда...

Самолет уже взлетел, а они даже не заметили этого.

– ...да ерунда все это! Недаром же говорят: все, что бог ни делает, все к лучшему, – горячо посочувствовал Сеня – пожалуй, даже слишком горячо для столь короткого знакомства. Но Марусю это очень ободрило. И кроме того, ей стало ясно: Сеня, ко всему прочему, еще очень отзывчивый, добрый, милый человек.

– А как твоя фамилия? – бесхитростно спросила она. – Чтобы в следующий раз знать, какие фильмы смотреть...

– Бережной. Арсений Бережной. А в Турции я отдыхал. Жалко, что не в твоём отеле...

Стюардессы принялись разносить напитки. Сеня заказал Марусе апельсинового сока (хотя она вполне могла это сделать сама) и вообще всячески ухаживал за ней. Это было несколько не навязчиво и очень трогательно.

Потом он угостил Марусю сливочным ликером, а сам выпил немного виски, купленного в аэропорту.

– ...а еще я как-то снялся в рекламе. Помнишь, года два назад все крутили ролик, где один парень прыгает по крышам, вроде человека-паука, а потом оказывается в офисе своего начальника и дарит ему свой дезодорант?

– Помню! – неожиданно взволновалась Маруся, которой до того, в общем-то, было наплевать на рекламу. – А начальник такой толстый, с усами и ужасно страдает от обычного дезодоранта?..

– В точку! Именно этот ролик!

– Ну надо же... Оказывается, я тебя давно знаю, – засмеялась она.

– Только я не люблю рекламу. И мыло – ну, сериалы эти, в которых тоже приходится сниматься, тоже не люблю. Я в театре играю – это мне больше по душе, а насчет кино... Ну что это за роль – Вася Серенький (так моего героя в сериале звали), он вроде шестерки в банде, его подставляют свои же, и в конце концов несчастный Вася взрывается в собственном авто... Ничего хорошего!

– А кого бы ты хотел сыграть?

– Гамлета, – с такой застенчивой, обаятельной, забавной улыбкой произнес Сеня, что они оба захохотались в один голос. – Нет, правда! Ну, не Гамлета, а какую-то другую роль, где не только бы кулаками пришлось махать и говорить «по фене»... А чего бы ты хотела от этой жизни, Маруся?

– Не знаю, – честно сказала она. – У меня все желания глупые и какие-то мелкие. Меня еще в детстве тренер пилит за то, что во мне нет честолюбия. Если бы у меня оно было, я, возможно, стала бы известной спортсменкой. Ты знаешь, а ведь у меня мама – астролог. Гороскопы составляет, – вдруг вспомнила Маруся. – Это я к тому, что она мне мое будущее предсказать пыталась...

– Интересно! – с азартом воскликнул Арсений Бережной. – И какое она тебе будущее нагадала?

– Ой, смех один! И ничего не сбылось, можешь себе представить? Я и так во все это не верила, а тут совсем разочаровалась...

– Ты с мамой живешь?

– Нет, отдельно. Я живу в коммуналке, можешь себе представить?

– Весело, наверное?

– Обхохочешься! Один сосед – алкоголик, правда, тихий, и еще пожилая одинокая тетенька, которая вышивает бисером – год назад этим увлеклась. А теперь у нее все стены от пола до потолка увешаны картинами из этого самого бисера!..

Через часа полтора стюардессы раздали лотки с обедом, и опять Арсений усердно ухаживал за Марусей. Но в его поведении не было никакой навязчивости – он с удовольствием это делал, а Маруся с не меньшим удовольствием принимала его ухаживания.

Он снова разлил в пластиковые стаканчики: себе – виски, ей – сливочный ликер.

«Кажется, я влюбилась... Может быть, это и есть та самая любовь с первого взгляда? – растерянно подумала Маруся, глядя в ярко-синие глаза своего спутника, которые, в свою очередь, не отрывались от ее лица. – Но он такой милый, что просто даже плакать хочется!»

– А кроме соседей... – нерешительно спросил он. – Ты одна? Ну, у тебя кто-нибудь есть?

Сердце у Маруси сжалось. Было ясно, что Арсений жаждет продолжения знакомства, и теперь от ее ответа зависит все.

– Если честно, то я замужем (его лицо вытянулось от огорчения). Но мы с ним уже три года не живем вместе. – (Обратная трансформация.)

Она чуть-чуть увеличила этот срок – сколько они с Женей не видели друг друга. Можно было, конечно, поступить проще: сразу бухнуть – «нет, я свободна как ветер, у меня никого нет!», но Маруся врать не привыкла. «Дурочка! – не раз с отчаянием кричала ей Людмила. – Ну кому, кому нужна твоя прямолинейность?!»

– Да?..

– Да.

– Так почему же не развестись? – бесхитростно спросил тот.

– Ой, меня все об этом спрашивают! – засмеялась она. – Во-первых, это очень выгодно моему бывшему супругу, который второй раз жениться не хочет. Во-вторых, и я вроде как не совсем одинока и несчастна, раз у меня штампик в паспорте есть. Глупо, конечно... Ну, а в-третьих, я думаю, бывший супруг мой Евгений Журкин изводит этим свою маму, то есть мою свекровь, – тем, что вроде бы еще в браке со мной. Он у нее в полном подчинении и открыто выступать не решается...

– Господи, как все сложно! – воскликнул Арсений и вытер салфеткой вспотевший лоб. – А пойдем завтра куда-нибудь?

– Пойдем, – не задумываясь, ответила Маруся.

Арсений Бережной расцвел на глазах.

– Ты запиши мой телефон... и свой мне дай, ладно?

Они незамедлительно обменялись телефонными номерами, даже с какой-то судорожной поспешностью.

Самолет быстро снижался, а потом шасси коснулось земли, и он быстро покатился по асфальту. В самолете все захлопали, радостно закричали, а Арсений с Марусей счастливо улынулись друг другу.

– Значит, ты Маруся Журкина?

– Ой, нет! Я Маруся Гагарина. Я свою фамилию не стала менять и тем очень разозлила Ингу Савельевну, свекровь...

– И правильно сделала! – горячо поддержал Арсений Марусю. – В том смысле, что твоя фамилия в сто раз лучше.

...В Домодедове он предложил отвезти ее к дому на такси.

– Нет, я лучше на экспрессе доеду до Павелецкого... Я недалеко там живу.

Арсений поехал с ней.

Было раннее утро начала сентября. Сияло солнце, и непривычно холодный ветер обжег Марусе щеки. «Ну вот, теперь мне будет не хватать той жары...»

Арсений Бережной проводил ее до самого дома (был момент, когда он хотел напроситься в гости – Маруся это почувствовала, но она уже засыпала на ходу и потому сделала вид, что намеков не понимает) и уехал.

Маруся не сомневалась, что он позвонит ей. Это был настолько славный и простодушный человек, что казалось невозможным, будто он способен на обман.

На первом этаже из лифта выскочила Кристина Пескова, женщина тридцати пяти лет, незамужняя, социально очень активная, и едва не сшибла с ног Марусю. Жила Кристина на пятом, а Маруся – на шестом.

– Ой, Маруся! Приехала? Боже, а загорела-то как!..

– Ты на работу?

– А куда ж еще! – Кристина работала в органах социальной защиты – именно так выражалась ее активность. Она поименно знала всех пенсионеров, инвалидов и одиноких людей своего района, которым требовалась помощь.

Больше всего на свете Кристина мечтала завести семью, но ей фатально не везло. Мужчин пугали ее активность и нестандартные размеры. Кристина была выше Маруси в полтора раза, и шире – в три. Размер ноги: у Кристины – сорок третий, у Маруси – тридцать пятый. Обе мучились с обувью (очень нелегко найти хорошие женские туфельки таких размеров!), и это их спланивало. Кристина Пескова была полна энергии, вечно куда-то спешила, и если ее встретить зимой, например, то можно невооруженным глазом заметить густое облако пара, окружающее эту социально активную женщину. В зимней одежде, в облаке пара Кристина смахивала на трактор, бодро преодолевающий сельское бездорожье.

Кристина любила духи с ядреным стойким запахом, напоминающие мужские одеколоны советских времен – они мучительно действовали на окружающих в замкнутом пространстве. Кристина никогда не носила головных уборов. У нее были короткие темные волосы, завитые с помощью «химии» в мелкие спиральки и похожие издали на каракулевый мех.

– Как тут дела?

– Как-как... Твой сосед, Виталька, две недели назад чуть пожар не устроил! – Кристина возмущенно засопела носом. – Заснул с сигаретой, понимаешь...

– И что? – похолодела от ужаса Маруся.

– Да ничего! Сам же водой огонь и залил... А у меня потолок протек, между прочим! Ну ладно, я побежала... – Кристина шумно затопала к выходу, шурша плащом из нейлона, потом резко остановилась. – Нет, Маруся, это просто хамство!

Маруся, уже собиравшаяся шагнуть в лифт и успокоившаяся, судорожно обернулась:

– Ты о чем? Я поговорю с Виталькой...

– Я вообще о жизни, – с досадой пояснила Кристина. – Вот сейчас завтракала и телевизор смотрела – что показывают! Взять, например, рекламу. Реклама колготок – она, значит, юная и стройная, машет голыми ножками в этих самых колготках... Или реклама прокладок, я извиняюсь, – она, юная и стройная, бежит в обтягивающих белых брючках! Суп из бульонных кубиков варит – опять же юная и стройная! Везде, везде – юные и стройные, как будто только они пользуются благами жизни! А у нас, между прочим, треть (если не половина!) населения страны от лишнего веса страдает! А полные, не очень молодые женщины, они что – колготок не носят, суп не варят, прокладками не пользуются?

– Обидно, да... – подумав, согласилась Маруся.

– Вот я и говорю – совесть у этих актеров есть?!

– Есть. Они сами рекламу не любят, – ответила Маруся, памятуя недавний разговор с Арсением Бережным. – Но это не актеры виноваты, а те, кто рекламу заказывает.

– Э, да что там... – Кристина шумно вздохнула и убежала.

Маруся вошла в лифт – в нем стояло густое одеколонное амбре, от которого сразу же защищало глаза, и, стараясь не дышать, поднялась на свой этаж. Против воли перед мысленным взором возникла Кристина в неглиже, рекламирующая колготки пятьдесят восьмого размера...

Дома был только Виталик.

Он выглянул в коридор, услышав, как щелкнули дверные замки, и с сонным удивлением вытаращил ярко-карие круглые глаза.

– Ты? – спросил высоким голосом.

– Я.

– А говорила, в конце октября только приедешь...

Соседу было под сорок, но все упорно называли его Виталькой, а никак не Виталием Семеновичем Завитухиным. Он был еще не совсем пропащим, добрым мужиком, но сила воли в нем напрочь отсутствовала. Не человек, а нечто вроде студня из свиных ножек, не успевшего схватиться к приходу гостей...

– Вот, соскучилась по дому! – засмеялась Маруся. – А ты, говорят, тут пожар устроил?

– Уже накапали... – уныло вздохнул Виталик. – Подумаешь, коврик один сгорел!

– А Алевтина где?

Алевтина Климовна Попцова была их третьей соседкой.

– На рынок, что ли, отправилась... – Виталик с треском поскреб затылок. Волосы у него были морковно-рыжего цвета, нестриженные, а на макушке – маленькая круглая плешь, напоминающая тонзуру. Виталик был большим, рыхлым, с пивным пузцом. С него вечно сваливались штаны, обнажая верхнюю часть поясницы, что неизменно вызывало у Алевтины Климовны дрожь отвращения.

Голос у Виталика был высокий, горловой – «бабский», как с тем же отвращением констатировала Алевтина Климовна.

Больше всего он боялся смерти. А ко всему остальному Виталик был совершенно равнодушен.

– Ладно, я спать пошла. Я очень, очень хочу спать... – Маруся зашла в свою комнату и, не раздеваясь, упала на кровать. Силы у нее моментально кончились.

Открыла она глаза только к вечеру и не сразу поняла, где находится. «Ах, ну да, я же дома!»

Золотыми блестками переливалась пыль в лучах закатного солнца...

У Маруси было такое чувство, что ей накануне преподнесли какой-то необыкновенный, очень хороший подарок – именно такой, о котором она мечтала всю жизнь.

Арсений Бережной – блондин с синими глазами. Актер! Добрый и милый. С которым можно было говорить о чем угодно – как с родным.

Людмила всегда пилила Марусю за то, что подруга не умеет планировать свою жизнь, что не делает никаких попыток изменить ее. «Дурочка! Ты живешь одним днем и совершенно не думаешь о том, что время-то уходит! С Журкиным так и не развелась, никого нового не ищешь, работу поменять не хочешь... Ты думаешь, все тебе на блюдечке с голубой каемочкой преподнесут – и мужа, и квартиру нормальную и карьеру за тебя кто-то другой сделает? Нет, нет и еще раз нет! Ты сама должна трудиться над каждым днем своей жизни, сама должна налаживать связи и заводить знакомства, сама искать себе нормального спутника жизни! Вот что твоя мама нагадала, когда тебе пятнадцать лет было?»

«Что в двадцать я выйду замуж, а к тридцати у меня будет двое детей. Да, и что жить я буду в загородном доме у реки, а муж мой, олигарх, к пятидесяти станет президентом страны!» – с хохотом вспомнила Маруся мамин астрологический прогноз.

«Вот именно! Ты ничего не делаешь для того, чтобы эти прогнозы сбылись, – упрекала ее Людмила. – И ничего смешного тут нет, главное – поставить цель, какой бы невероятной и странной она ни казалась!»

И теперь, лежа в своей комнате, Маруся стала придумывать, как опровергнет все Людьмины теории. Она, Маруся, никого специально не искала, а все решилось по воле случая. Арсений Бережной – чудо, само свалившееся на голову...

«Когда же он позвонит?» – вдруг забеспокоилась она.

Проверила сотовый. Потом выскочила в коридор и забарабанила в дверь к Виталику. Без ответа. Из-за двери раздавался мерный храп, напоминающий работу автомобильного двигателя... Тогда Маруся сунулась к Алевтине Климовне.

– Добрый вечер! – заглянула она в комнату к соседке, тоже предварительно постучавшись.

Алевтина Климовна разбирала мотки ниток, сидя за большим полированным столом.

– А, Маша, приехала... – кисло отозвалась она. – Удачно?

– О, очень! – не вдаваясь в подробности, отозвалась Маруся. – Мне звонил кто-нибудь сегодня?

– Нет. Да, Маша... – Алевтина сунулась в раскрытый журнал. – ... Что такое – те... тераконовый? Вот у меня тут план будущей картины, а тут написано, что углы надо вышивать из бисера именно этого цвета. Я прямо голову сломала!

– Тераконовый? Нет, скорее всего – терракотовый! – догадалась Маруся. – Терра – земля в переводе. Теракотовый – это рыжевато-коричневый.

– Минутку, – Алевтина снова заглянула в свои записи. – А что такое – пурпуный... Пурпуный, то есть? Как он хоть выглядит? Тут все словами написано, ни одной картинки, а я не понимаю! – с досадой воскликнула она.

– Ярко-красный.

– Вот так бы и написали – ярко-красный, рыжевато-коричневый! – с досадой воскликнула соседка. – А то понапридумывали каких-то непонятных слов!

Высокая, худая, сутулая, Алевтина Климовна поднялась из-за стола. Была она не злой, а скорее – брюзгливой, и выражение ее лица всегда было недовольно-кислым, раздраженным, а очки с серебряной цепочкой, болтающейся вдоль щек, делали ее похожей на старорежимную учительницу. Этому же и способствовал жидкий пучок на макушке из темных, с сильной проседью волос – со стороны голова Алевтины Климовны вместе с этим пучком казалась похожей на чернильницу, только пера в пучке не хватало... Было ей на самом деле не так уж много лет – всего пятьдесят четыре.

Маруся снова ушла к себе. Включила электрический чайник, достала пакет с сушками, который лежал в ящике чуть ли не с весны.

«Надо в магазин завтра сходить. И пыль вытереть, что ли...» – равнодушно подумала она. Чем дальше, тем сильнее терзало Марусю беспокойство. А ну как не позвонит ей синеглазый красавец Арсений Бережной?! У него, поди, своих актрис хватает...

Но Маруся вспоминала его простодушную улыбку, ту горячность, с которой он за ней ухаживал в самолете и после, выражение его лица – и ей становилось стыдно за свои сомнения.

Она села за стол, принялась уныло грызть сушки. На кухне в их квартире есть было невозможно – Виталик, по выражению Алевтины Климовны, «развел сплошную антисанитарию». Дело в том, что одинокий Виталик готовил себе сам – у него вечно что-то пригорало, убежало, чадило, брызгало во все стороны жиром, проливалось... И даже если кулинарный процесс проходил без особых катаклизмов, то все равно – запах готового блюда разил наповал, не хуже духов Кристины Песковой с пятого этажа.

Им всем давным-давно надо было разъехаться – правда, пока подходящих вариантов не находилось. Виталику не нравился район Коровино-Фуниково, Алевтина была против Капотни, а Маруся не желала жить возле полей аэрации...

Маруся никогда не пользовалась успехом у мужчин. Они почему-то отказывались воспринимать ее всерьез. Она была веселой, симпатичной («Если тебя накрасить да еще одеть как

следует – красавица!» – не раз твердила Людмила), но ей фатально не везло. Ее любили те, кого не любила она. Что же касается брака с Евгением Журкиным, то Маруся подозревала, что тот женился на ней исключительно назло своей маме.

Но Маруся мужа искренне любила, особенно в первые месяцы их брака. И вообще, не она была инициатором этого разрыва и долго горько переживала из-за него потом...

Когда Маруся догрызла пятую сушку, зазвонил телефон – мобильный. На экране высветилось имя – «Арсений».

– Аллю!

– Маруся, это я... Не побеспокоил? – услышала она чуть смущенный голос своего нового знакомого.

– Нет! – быстро выдохнула она.

– А... а где встретимся?

Она закрыла глаза и улыбнулась.

– Где тебе удобно.

– А тебе?

Они договорились встретиться возле Третьяковской галереи, на тихой пешеходной улочке – перед тем выяснилось, что Арсений живет очень далеко, на противоположном конце Москвы...

– Очень хорошо! – обрадовалась Маруся. – Пока ты будешь ехать до центра, я успею собраться.

Она и раньше умела быстро привести себя в порядок, а теперь, после работы аниматором там, в Турции, вечно не хватало времени – Маруся могла дать фору любому солдату-сверхсрочнику. Скоро она выскочила из дома – свежая, с отмывшимися от морской соли волосами, и помчалась на свидание, чувствуя себя какой-то особенно хорошенькой и легкой.

Тысячу лет у нее не было никаких свиданий, а теперь вот – случилось, да к тому же с тем, в кого она влюбилась с первого взгляда...

Он уже ждал ее – Маруся увидела Арсения с букетом цветов издали, в свете фонарей, и он показался ей таким красивым, таким славным, что у нее даже руки затряслись. Ей нравилось в нем все – то, что он был таким тонким, таким высоким, нравились его волосы, лицо, глаза (глаза – особенно!), нравилось то, как одет: его узкие джинсы, песочного цвета пижонская курточка из вельвета, ботинки, рубашка – все, абсолютно все. В нем как будто не было недостатков: Маруся была уверена, что даже то, что было скрыто сейчас под одеждой, совершенно и безупречно. И даже то, что было внутри, под кожей, спрятанное броней костей и мышц – сердце, легкие, селезенка, сложное переплетение кровеносных сосудов и прочее, – тоже являло образец совершенства.

Она видела Арсения всего, целиком, словно на экране рентгеновского аппарата, и ничего не вызвало в ней отторжения. Это был ее мужчина, мужчина *для нее*. И сладко было сознавать, что и она для него – тоже совершенство, потому что это можно было определить по тому, с какой он радостью побежал к ней навстречу.

Секунду они медлили, стоя друг перед другом, словно еще во власти каких-то старых предрассудков, а потом бросились друг другу в объятия одновременно, с одинаковой горячностью, и одновременно затем вздохнули. И в этом вздохе заключалась следующая важная информация – «я боялся (боялась), что я тебя больше не увижу. Теперь я до смерти рад, что мы все-таки встретились. Ты очень милый (милая). И я не могу не прикоснуться к тебе...»

– Что это со мной? – с искренним удивлением произнесла вслух Маруся.

Он засмеялся, хотел что-то ответить, но вместо этого стал вдруг целовать ее – и это привело обоих в такой азарт, что они забыли обо всем на свете.

А потом словно опомнились, схватили друг друга за руки и пошли куда-то быстрым, энергичным шагом, точно пытаясь дать выход той энергии, что бушевала сейчас в них.

Начали разговор, то и дело перебивая друг друга, – как провели этот день, о чем думали, спеша на встречу: «А я...», «А ты...», «Ты представляешь...»

Зашли в кондитерскую, выпили горячего шоколада (Маруся) и коньяка (Арсений), съели по кусочку торта, совершенно не чувствуя вкуса того, что ели и пили, – настолько они были поглощены друг другом, этой судорожной радостью узнавания. Опять куда-то пошли.

Опомнились только в Александровском саду, где долго целовались у Кремлевской стены. Фонари горели в еще густой листве, гроздьями сидела молодежь на лавочках, кто-то, скрытый сумерками, брэнчал на гитаре, над Манежем плыли фиолетовые облака. Все было настолько хорошо, что происходящее казалось Марусе сном.

– Сколько тебе лет? – с любопытством спросила она Арсения.

– Тридцать три.

– Надо же, ты выглядишь гораздо моложе!

– А ты вообще – девчонка... – Он поцеловал ее в нос и прижал к себе еще теснее. – И как это так мы удачно познакомились?... Я не представляю, что было бы, если б нам дали другие билеты и мы бы сидели в разных частях самолета!

– Или вообще летели бы в Москву разными рейсами, – подумав, добавила Маруся. – Или даже так – Людмила не стала бы жечь эти дурацкие ароматические палочки, никто не стал бы нас выгонять из отеля, и мы с ней до конца октября торчали бы в Турции.

– Или... господи, да нет же, я совсем не хочу об этом думать! – почти всерьез испугался он.

Маруся прикоснулась рукой к его волосам и спросила бесхитростно:

– Ты красишься?

– Нет! У меня такие странные волосы, честное слово! У корней темные, а на концах светлые... А почему так, я не знаю!

– Все в порядке – даже если бы ты красился... Я ничего против не имею.

– Я не красился! – отчаянно замотал он головой.

Маруся засмеялась и закрыла ему ладонью рот.

– Все в порядке, пожалуйста, не волнуйся. Я верю.

Он промычал что-то возмущенно-обиженное и принялся целовать ее ладонь.

– А что потом? – вдруг тихо спросила она.

– Поехали ко мне, – шепотом, быстро ответил он.

– Это далеко. Лучше ко мне.

– Тогда к тебе, – с послушной нежностью кивнул он. – Моя Марусечка!

...Случилось так, что и Алевтина, и Виталик выглянули одновременно в коридор, когда Маруся с Арсением крались по коридору к ее комнате.

Виталик заморгал ярко-карими круглыми глазками, а Алевтина Климовна поправила на носу очки, и серебряная цепочка вдоль ее щек нервно затрепетала.

– Добрый вечер, – шепотом, вежливо произнес Арсений.

– Добрый вечер! – тенорком отозвался Виталик и скрылся у себя в комнате – так моллюск прячется в раковине.

Алевтина же буркнула нечто неразборчивое и тоже захлопнула за собой дверь.

Маруся отперла замок на двери своей комнаты.

– Это твои соседи? – с любопытством, шепотом спросил Арсений.

– Ага... – Маруся сначала собралась было удариться в стыдливые рефлексии (не так уж часто она приводила в этот дом чужих мужчин), но потом передумала. Ей вдруг стало все равно, что о ней сейчас думают Алевтина с Виталиком. Ее волновал Арсений, и только он.

Ей было даже все равно, насколько бедна и проста ее комната – диван, шкаф, стол, два стула и единственная дорогая вещь – беговой тренажер.

Судя по всему, Арсения Бережного тоже очень мало волновали подобные мелочи. Едва только они оказались здесь, он принялся целовать Марусю.

– Все было предначертано заранее, все дорожки вели меня к тебе... – бормотал он в промежутках серьезным и одновременно веселым голосом. – И вот все сошлось в одной точке, и мы наконец вместе. Ты моя Марусечка, ты моя девочка, ты моя шоколадка... – он целовал ее загорелую шею, и Маруся, покорно закрыв глаза, постепенно растворялась в его прикосновениях.

Он говорил и говорил какие-то смешные, трогательные глупости, ни на минуту не замолкая, он облакал в слова каждое свое движение, он с пылким восторгом описывал вслух все Марусины достоинства – сначала ей было и смешно, и немного неловко, а потом она нашла это все ужасно возбуждающим.

Да и стыда, собственно, как такового, тоже не было, поскольку с самого первого взгляда она восприняла этого человека как родного. Даже Женя Журкин в первые дни их совместной жизни не казался Марусе таким родным и близким, как Арсений – в сущности, едва знакомый человек.

Она была свободна и ничем не скована (это ли не признак настоящей любви?), она наслаждалась своей свободой. Добраться до самой сути, до последней инстанции, сбросив все оболочки, попасть туда, где бывать еще не приходилось, где, как уже упоминалось, за кожей, мышцами, костями, переплетением сосудов скрывалось сердце, чтобы почувствовать его, горячее, на своих ладонях.

Женя Журкин, равно как и те немногочисленные другие, что встречались на Марусином пути, не пускали ее так далеко, они всегда держали дистанцию, они берегли свои, неведомые ей тайны. А Сеня Бережной отдал ей все, всего себя, и этой ночью словно показал: «Я в полной твоей власти. Ты можешь даже убить меня – я ничего не скажу тебе поперек. Я только твой, и ничей более».

Маруся была потрясена и ошеломлена – словами, прикосновениями, поцелуями ей показали, насколько она хороша, насколько дорога. И она сама отдала себя в полное и безраздельное пользование человеку, которого знала всего лишь сутки: «Я только твоя, и ничья более».

Они заснули, так и не расцепив рук, лицом к лицу, и даже во сне не хотели отодвигаться друг от друга, они были одним целым.

...А завтрак состоял из сушек с чаем.

У Арсения было прекрасное настроение, и он все время напевал – «Моя Марусечка!», а она хохотала и говорила первое, что в голову придет, – у нее тоже было прекрасное настроение.

Кое-как закутавшись в простыню, Арсений громко, со вкусом прихлебывая, тянул из чашки горячий чай.

У него была очень тонкая юношеская фигура, удивительно красивый разворот плеч, на шее на обычном шнурке висел нательный крестик, очень простой. Маруся с удовольствием разглядывала Арсения Бережного, и ее совершенно не раздражало его хлюпанье, хотя она, как и большинство людей, была чувствительна к подобным мелочам. Например, бывший муж Евгений имел особенность трещать суставами, бессознательно разминая себе пальцы рук, и каждый раз, услышав это звонкое сухое потрескивание, Маруся испуганно вздрагивала и ежилась. Родная мать имела привычку зевать вслух – и эти долгие вдумчивые зевки казались Марусе дурной, какой-то деревенской привычкой, хотя Лилия Сергеевна была интеллигентной городской жительницей, очень деликатной и тонкой во всех прочих отношениях.

Арсений Бережной ни в чем не вызывал отторжения, с самого начала Маруся приняла его сразу и целиком, со всеми его привычками и особенностями.

– Колоритные у тебя соседи... – весело произнес он. – Вот этот мужик – он кто?

– Это Виталик. Он хороший, только пьющий. Причем, знаешь, окончательным алкоголиком его назвать трудно – когда надо, вполне может держать себя в форме. Работает сторожем на заводе – сутки через трое.

– Мне показалось, что он как будто вздумал ревновать, когда увидел меня рядом с тобой...

– Перестань, – Маруся покачала головой. – Тебе действительно показалось. Я его тысячу лет знаю... Как женщина я его совершенно не интересую. У Виталика слабость к крупным особам с низким голосом, недаром его любимая певица – Людмила Зыкина. Но, главное, у Виталика есть тайна, которая отнимает все его силы и не позволяет ему разбрасываться. Свой тайный, мучительный, безнадежный роман...

– Какой роман? – с любопытством спросил Арсений.

– Роман со смертью.

– Что? – вздрогнул тот и едва не пролил себе чай на колени.

– Звучит странно и дико, но тем не менее... Виталик никак не может примириться с тем, что смертен. Потому и пьет, потому и не женился до сих пор, – спокойно пояснила Маруся.

– Ну надо же! Значит, он так боится смерти?..

– В том-то и дело, что сама по себе смерть не особенно страшит его. Он никогда особо не занимался своим здоровьем, его не сильно волнует, что от пьянства может возникнуть цирроз печени, его не беспокоит, что он ест и в каких условиях живет... Словом, он не стремится продлить себе жизнь, как многие, Виталика совершенно не заботит ее качество. Он легко забывает закрыть за собой газ на кухне и засыпает с непотушенной сигаретой – ну, и прочее.

– Тогда в чем же дело? – со жгучим интересом спросил Арсений.

– Его убивает, что он в принципе смертен. Никак не может смириться с тем, что рано или поздно – он кончится. Он, Виталий Завитухин! В нем все время идет внутренняя борьба, постоянный диалог – Виталик пытается смириться с неизбежностью смерти, и у него никак это не получается. Поэтому у него нет сил отвлекаться ни на женщин и ни на прочие бытовые мелочи...

– Колоритнейший тип! – восхитился Арсений. – Да, я тоже не в восторге от того, что когда-нибудь умру, но я же не думаю об этом с утра до вечера! Ну, а у той мадам в очках с серебряной цепочкой – тоже есть какая-нибудь тайна? Тоже свой скелет в шкафу?

– Ты угадал! – улыбнулась Маруся. – Алевтина Климовна терпеть не может всего того, что связано с любовью, с размножением, с детьми и прочим – именно потому она так кисло посмотрела на нас вчера. Как же, завалились в квартиру посреди ночи, двое, известно для чего... Фи!

– Она что, старая дева?

– Не знаю. Возможно. Хотя у нее был в молодости роман с неким Модестом Фокиным, но он ее бросил – она рассказывала...

– Вот и разгадка ее теперешнего поведения!

– Может быть... – пожал плечами Маруся. – Алевтина Климовна ненавидит все то, что связано с жизнью пола, и даже сами эти понятия – мужчина, женщина – кажутся ей нечистыми, отвратительными. Она увлеклась не так давно вышиванием бисером, и сюжеты ее картин – это исключительно цветы, пейзажи. И к телевизионным передачам она относится очень избирательно. Обожает сюжеты про политику. Сначала я думала, что она из тех, кого волнует обстановка в стране, – как бы не так! Она даже не понимает, о чем в тех передачах говорится, она их даже пересказать толком не может! А потом я догадалась – Алевтина Климовна готова слушать что угодно, только бы это было лишено всякого намека на секс или любовь. Она смотрит кулинарные поединки, вести с полей, новости квартирному дизайну, но как только в сюжете проскальзывает хоть какая-то двусмысленность, она моментально переключает канал.

– Потрясающе! – восхитился Арсений.

– Раньше она обожала передачи о животных – как, например, охотятся тигры, или как грызуны на зиму впадают в спячку, или вдохновенно внимала какому-нибудь подробнейшему рассказу о фауне Австралии... Но с тех пор как на телевидении стали показывать всякие интимные подробности из жизни животных, она эти передачи просто возненавидела, даже написала письмо министру культуры, дескать, совсем стыд потеряли... Ее мир лаконичен и сух, Алевтина не знает цветов и запахов. Даже вышивание бисером мало помогло ей – она до сих пор спрашивает меня, как именно называется тот или иной оттенок цвета!

– Слушай, это не квартира, а настоящая кунсткамера! Как ты еще тут с ума не сошла... Поехали ко мне, а?

– Зачем?

– Ну как... – даже растерялся Арсений. – Я живу без соседей, у меня гораздо удобней – это раз. Потом на окраине воздух гораздо чище – это два. Не то что в центре! И вообще...

Он отставил чашку и притянул к себе Марусю.

– Ты предлагаешь съездить сегодня к тебе в гости? – осторожно спросила она.

– Зачем – в гости? – обиделся он. – Будешь жить у меня. Или я тебе не нравлюсь? – В его голосе было столько растерянности и огорчения, что Маруся не выдержала и засмеялась. «Он – ребенок, самый настоящий ребенок! Я и не думала, что такие до сих пор существуют... Взял и чуть ли не в первый же день позвал меня к себе жить! Другие сто лет думают, прежде чем такое предложить...»

– Ты мне очень нравишься, – тихо сказала она. – Ты особенный, ты очень хороший. Но мне на работу будет неудобно ездить. Я ведь снова хочу устроиться в ту поликлинику, в которой работала до своей турецкой эпопеи...

– Ты так хочешь работать?

– Нет, но... – теперь растерялась она. – Но на что я буду жить?

– А я на что? Нет, я, конечно, не миллионер, но и не нищий. Проживем!

Было совершенно очевидно, что Арсений не из тех, кто осложняет себе жизнь ненужными рассуждениями.

Маруся посмотрела в его синие глаза, потеряла ладонью лоб и наконец сказала:

– Ну ладно. Поехали к тебе!

Арсений Бережной настолько ей нравился, что она решила рискнуть. Он же не думал ни о каком риске: не задумываясь, предоставил себя, свои деньги, свою квартиру—ей. Или он дурак, или в этом есть какой-то грандиозный подвох, или... Или это и есть та самая бескорыстная любовь, о которой мечтает каждая женщина?..

...Он жил на окраине, возле лесопарка, и воздух там в самом деле был гораздо чище.

Квартира – в многоэтажной башне, похожей на тысячу других, но довольно уютная и современная. Арсений с самого начала никак не стал делить территорию («Это твое, это мое, здесь распоряжайся, а вот здесь не смей ничего трогать!»), он не контролировал Марусю, словно она была полноправной владелицей этого жилища.

К тому же Арсений совершенно не умел готовить, он никогда не помнил о том, есть ли у него в холодильнике еда, а в шкафу – чистые рубашки. Он вечно забывал обо всем, о тех мелочах, из которых состоит жизнь современного человека, и потому появление Маруси оказалось очень кстати.

О будущем они не думали совершенно, особенно в первые недели и месяцы своего совместного проживания. Это был сплошной праздник.

И он, и она настолько были замкнуты друг на друге, что реальность скользила мимо их сознания. Они словно существовали на иной планете и только вдвоем.

Он работал в театре, иногда снимался в кино – в коротких эпизодических ролях, и действительно сильно богатым Арсения назвать было нельзя. Но зато все, что у него было, он с готовностью отдавал Марусе.

Бывший муж, Евгений Журкин, считал Марусю безнадежной транжирой и всегда критиковал ее покупки, ее манеру ведения хозяйства. Нет, совсем уж жадным его тоже назвать было нельзя, скорее тот являлся нормальным мужчиной с рациональным складом ума.

И потому вся прелесть существования с Арсением Бережным заключалась именно в том, что она, Маруся, теперь была свободна. Она могла быть самой собой, и никто не разглядывал в микроскоп ее поступки, покупки, поведение, никто не оценивал ее, не критиковал.

Она не обязана была кого-то строить из себя.

Она имела право на ошибку.

Она могла быть смешной. Даже глупой!

Как она – целиком и полностью – приняла Арсения. И он, как уже говорилось, принял ее.

Они гуляли вместе по лесу (сначала была дивная осень, потом наступила не менее дивная зима), встречались с друзьями Арсения – их было очень много, и все тоже любили его. Друзья по армии (он служил), коллеги по работе... Маруся обожала долгие посиделки до утра с вином, разговорами и музыкой – ну, разумеется, такая жизнь была бы невозможна в коммуналке!

В свою старую квартиру она заезжала лишь изредка. Сначала все собиралась устроиться на работу, а потом забыла о своем намерении. Об Арсении надо было заботиться, и даже когда он отсутствовал, Маруся все равно чувствовала себя занятой: она думала об Арсении, она ждала его, она была полна им без остатка.

Он, при всей своей доброте, не был идеальным мужчиной, но чем дальше, тем сильнее Маруся привязывалась к нему, равно как и он – к ней.

Людмила, когда узнала об этом скороспелом знакомстве, очень пилила Марусю:

– Ну надо же, не могла выбрать себе кого получше! Я тебе сто раз говорила, что свою жизнь надо уметь просчитывать! Надо было искать не третьесортного актеришку, а какого-нибудь мэтра, у которого и слава, и гонорары, и вообще...

– Я не искала.

– Вот именно. Ты безнадежная дурочка, ты совершенно не думаешь о будущем!

– Будущее нельзя предугадать.

– Это ты своей матери скажи!

Людмила очень гордилась тем, что сумела завоевать Богдана – в Москве их встречи продолжились...

Что же касается Лилии Сергеевны, Марусиной матери, она как-то заявила – о знакомстве своей дочери с актером она знала. И привела длинный список доказательств – Луна была в таком-то доме, Меркурий относительно Венеры – в таком-то положении, а Уран с Юпитером – в таком-то.

– Я теперь проверила свои давние вычисления и поняла, где сделала ошибку, – сказала мать Марусе, когда та заехала к ней после Нового года. – И по всему вышло – быть тебе женой актера.

– И что еще говорят твои вычисления?

– Очень хороший прогноз, – удовлетворенно произнесла Лилия Сергеевна. – Вы с Сеней будете жить долго и счастливо, у вас будет двое детей. Сеня прославится на всю страну, и... Ну, в общем, звезды гарантируют вам стабильный и счастливый брак. Не то что с Журкиным!

Лилия Сергеевна, как и все прочие (за исключением Людмилы разве что), была очарована Арсением Бережным.

– Ты не веришь? – тревожно спросила она дочь. – У тебя лицо такое, будто ты не веришь мне!

– Верю.

Лилия Сергеевна очень трепетно относилась к своим предсказаниям. Она всю жизнь увлекалась составлением гороскопов, а теперь, выйдя на пенсию, полностью подчинилась этой

страсти. Большинство подруг поддерживало это ее увлечение, и даже бывало такое, что прогнозы Лилии Сергеевны сбывались. У нее сформировался свой постоянный круг клиентов.

– Тогда в чем же дело, что тебя смущает?

– Не знаю.

– Ты сомневаешься в Сене? Ты сомневаешься, что он сделает тебя счастливой? – Лилия Сергеевна молитвенно сложила руки на груди. Окончательно увлекшись астрологией, Марусина мать даже поведение свое изменила, в ее жестах стало проскальзывать нечто театральное, выверенное. И одеваться стала тоже по-другому – в черные с блестками платья. Волосы Лилия Сергеевна перекрасила в иссиня-черный и отчетливо вспомнила, что ее прапрабабка занималась чем-то подобным – то ли ясновидением, то ли еще какими-то оккультными науками.

– Нет. Я счастлива, – ответила Маруся. – Только... ты знаешь, я боюсь загадывать так далеко. А вдруг ничего не сбудется? Ты уже обещала мне президента...

– Маруся, я же перепроверила свои вычисления! В этот раз ошибки быть не может. Астрология тем и хороша, что это древняя наука, проверенная тысячелетиями, она дает точный прогноз. Принцессе Диане, например, ее личный астролог составлял каждую неделю гороскоп.

– И ее это спасло от смерти? Почему он ее не предупредил, что она разобьется в парижском туннеле Альма в 1997 году?..

Лилия Сергеевна растерялась.

– Ну, это не аргумент...

– Мам, а зачем тебе знать будущее?

– Как – зачем? – еще больше растерялась та. – Чтобы быть к нему готовой!

– А зачем? – упрямо спросила Маруся. – Все равно ведь поступаешь так, как хочется, а не так, как надо. Взять, например, ту же принцессу Диану – возможно, чувствовала, что в тот день не следует рисковать, а все равно поехала в Париж, села в машину... Даже если мы знаем свое будущее, то не можем изменить его, изменить себя!

– Но, по крайней мере, мы в курсе, – сурово произнесла Лилия Сергеевна и отвернулась к окну, показав тем, что не желает больше обсуждать это. – Сенечка ко мне гораздо добрее, чем ты... – обронила она, а потом издала долгий печальный зевок, глядя на тусклое зимнее небо.

...В феврале Арсений уехал в другой город, на съемки, и впервые Маруся осталась одна так надолго – на целый месяц.

Она поехала провожать Сеню на вокзал – прощались долго, словно навеки, и, стоя на перроне, все не могли разомкнуть рук.

– Ты будешь меня ждать?

– Да, да.

– Ты меня не бросишь?

– Нет. А ты... ты-то меня не забудешь? – тихо спросила Маруся, глядя в ярко-синие глаза Арсения. Он в ответ молча покачал головой и снова обнял Марусю что было сил, даже дыхание у нее перехватило.

– Сенька... задушишь! – сердито засмеялась она.

– Ты моя Марусечка, ты моя самая любимая... – Он целовал ее в щеки, в нос, в лоб, сдернул с рук перчатки – целовал ей ладони. И совершенно не обращал внимания, что на них смотрят, что друзья-актеры со смехом барабанят в вагонное стекло, торопя его.

– Все, иди, а то опоздаешь!

Поезд дрогнул, и Арсений в последний момент вскочил на подножку. Хмурая проводница отогнала его внутрь – видимо, ее допекли эти сцены прощания, эти чужие нежности, вечные обещания любить и ждать.

Маруся пошла рядом с поездом.

Арсений махал ей рукой, посылал воздушные поцелуи, выглядел веселым и несчастным одновременно. У Маруси буквально сердце кровью обливалось – так она не хотела расставаться с Сеней.

Потом поезд, набрав ход, ушел, и она осталась одна посреди вокзальной сутолоки.

Было холодно, падал медленный крупный снег.

Она зашла в здание вокзала – через него можно было пройти в метро – и неожиданно заблудилась. Женский голос, прерываемый мелодичными трелями, то и дело объявлял прибытие и посадку: вокруг сновали люди, кто-то судорожно обматывал свой багаж скотчем, грузно бежали какие-то тетки с панически перекошенными распаренными лицами, в валенках и пуховиках, таща за собой сумки-тележки; столичная штучка с кудрями и в загадочных мехах рыдала, вцепившись неоновыми когтями в последнюю модель сотового телефона («Алина, ты была права, он такой негодяй!»), с визгом носились дети вокруг мраморных колонн...

Маруся миновала пригородные кассы, зал ожидания и вдруг оказалась в кафе, из тех, что разрядом повыше обычных вокзальных забегаловок: где кофе подают не в пластиковых стаканчиках, а в фарфоровых чашечках, а вместо горячих хот-догов – вычурные тарталетки и импортное мороженое в блестящих креманках.

Маруся машинально огляделась в поисках другого выхода и вдруг уперлась взглядом в чью-то спину. За одним из столиков, вполоборота к ней, сидел мужчина в кожаном пальто, меланхолично читал газету и прихлебывал из чашки. У мужчины была подозрительно знакомая спина, а также аккуратный светло-русый затылок, который Маруся тоже хорошо знала.

– Женья! – вырвалось у нее, прежде чем она осознала, кто сейчас сидит перед ней.

Мужчина дернулся и обернулся. Это действительно был Евгений Журкин, до сих пор являющийся ее законным супругом.

– Маруська?.. – неопределенно пробормотал тот, видимо, еще не зная, радоваться ему или огорчаться. Потом все-таки решил улыбнуться – расстались-то они не врагами. – Привет!

Маруся подошла ближе.

– Как дела, Женья?

– Да ничего, потихоньку... Да ты садись! – великодушно произнес он.

– А я тут заблудилась, никак проход к метро не могу найти, – пожаловалась она.

– Вполне в твоём духе – заблудиться в трех соснах! – снисходительно сказал Журкин. – Я сейчас такси собираюсь поймать, могу и тебя подбросить.

– Мне далеко, я лучше на метро, – покачала она головой, разглядывая законного супруга. Евгений Журкин практически не изменился за то время, что они не виделись – был так же подтянут, бодр, продуманно одет и подчеркнута вежлив. – Ты откуда?

– Я с дачи. Ты же знаешь, у нас дача в этом направлении.

– А машина? Почему ты не за рулем?

– Машину я грохнул недели две назад. Теперь надо новую покупать. И вообще, зимой на электричке гораздо удобнее и быстрее... – лаконично пояснил он. – Ты хорошо выглядишь, знаешь?

Маруся огляделась, поймала свое отражение в зеркальной облицовке стен. Золотисто-русые, с рыжинкой волосы торчали в разные стороны, зеленовато-серые глаза блестели, личико свежее и даже нестерпимо юное какое-то...

В этот момент у Журкина зазвонил мобильный.

– Извини... Алло? Да, мам, все в порядке. Я сейчас на вокзале. Да. Да... Знаешь, кого встретил? Ты не поверишь – Марусю... Ну как какую Марусю! Будто у меня так много Марусь было... Да-да, ту самую Марусю! Ну все, мам, скоро буду. Целую!

Он нажал на кнопку «отбоя» и сунул телефон в карман.

– Заказать тебе что-нибудь? – спросил строго.

– Нет, спасибо, – покачала она головой. – Как Инга Савельевна?

– Прекрасно. Слушай, а почему ты сказала, что тебе далеко? Разве ты не в центре живешь?

– Почти. То есть официально я все еще там прописана, но...

В светло-карих глазах Журкина вспыхнуло холодным огнем любопытство.

– Так ты не одна! Понятно... А кто он, если не секрет?..

– Он очень хороший человек, – подумав, честно ответила Маруся.

– Ясно, что не злодей! – быстро улыбнулся законный супруг. – Ну, а по профессии он кто?

– Актер. В театре играет, в кино снимается... Сейчас я как раз его на очередные съемки провожала! Но вряд ли ты его знаешь, он не настолько известен... – промямлила Маруся и мысленно обругала себя за то, что по старой привычке оправдывается, пускается в ненужные объяснения... Даже теперь, спустя столько времени, она чувствовала себя глупой и виноватой, когда на нее пристально смотрел Журкин.

– Пьет?

– Что?

– Я говорю – сильно пьет?

– Кто?

– Да этот твой актер! – нетерпеливо воскликнул Журкин.

– С чего ты взял, что он пьет?.. – обиделась Маруся. – Почему ты думаешь, что все актеры – пьянчужки?.. Если и пьет, то умеренно, и только хорошее вино...

– Понятно.

Она почувствовала ту же тоску и раздражение, что и раньше. Вроде бы Журкин был неплохим, порядочным человеком, но почему он так легко мог вывести из себя – одной фразой, одним вопросом?.. Раз – и Маруся уже превратилась в подружку какого-то малоизвестного актера-алкоголика!

– Ты ведь сейчас тоже не один? – дерзко спросила она. – Все с Верочкой?

– Нет, с Верочкой мы расстались, – сухо ответил Журкин, всем своим видом показывая, что Маруся бесцеремонно лезет в чужую жизнь... – Теперь у меня есть Стелла.

– А кто она? Интересно же все-таки... – криво улыбнулась Маруся. Никакой ревности она не испытывала – лишь слегка напомнило о себе уязвленное самолюбие. Этот Журкин с таким пафосом произнес «Стелла», словно та была, по крайней мере, принцессой крови.

– Она моя коллега. Работаем в одном офисе.

– А Инга Савельевна как к ней относится? – невинно спросила Маруся.

Журкин громко затрещал пальцами. В этот момент у него снова зазвонил сотовый.

– Извини... Алло? Да. Да... Мама, да все в порядке! – Он слегка повысил голос. – Мы с Марусей сидим в кафе, болтаем. Да какая разница, в каком! Нет, я ее не приглашал. Нет. Нет... Мы случайно встретились, слу-чай-но! Да, уже еду. Все, пока, целую! – Он снова сунул телефон в карман и усмехнулся. – Мама в своем репертуаре...

– Она боится, что ты снова воспылаешь ко мне страстью? – не выдержав, засмеялась Маруся. – Ой, не могу... Надеюсь, она только меня так ненавидит!

– Не беспокойся, Стелле от нее еще больше достается! – добродушно сказал Журкин. Он умел быстро менять гнев на милость. Если вспомнить, иногда он бывал таким славным, таким простым...

– А как Роланд Германович поживает? Как Марлен? – с любопытством спросила Маруся. – Она вам пишет?..

Роланд Германович был мужем Инги Савельевны и, соответственно, приходился отчимом Жене. Марлен звали бабу, мать родного отца Жени, ныне покойного. Инга Савельевна, невестка Марлен, ненавидела свою родственницу, но старуха, к счастью, жила за границей.

– Баба чувствует себя прекрасно, иногда звонит мне. А что до Роланда, то он как был дураком, так и остался! – фыркнул Журкин. – Ты не представляешь, Маруська, какой

он дурак... Тут недавно заявил, что собирается баллотироваться в Думу! Господи, теперь понятно, отчего страна развалилась – потому что такие, как Роланд, решили ею править!

Снова зазвонил сотовый.

– Извини... Алло? – долгая пауза. – Мам, ну это невозможно! Я же сказал – сейчас еду... Да. Да. Да, мы все еще с Марусей. Мама!!! – опять долгая пауза, во время которой Инга Савельевна, вероятно, наставляла своего сынка на путь истинный. – Мама, я понял, – уже более сдержанно ответил Журкин. – Все, пока, целую.

Он сунул телефон в карман, потом громко затрещал пальцами.

– Была рада увидеть тебя, – искренне произнесла Маруся. – Ладно, не стану тебя задерживать...

– Да никто меня не задерживает! – Журкин снова затрещал пальцами. – Мама всегда что-нибудь придумает... Но это возраст, возраст дает о себе знать!

– Я понимаю.

– Ладно, все, пока. Целую! Выход к метро – вон там... – Журкин сорвался с места, махнул рукой, показывая направление, и убежал.

Маруся, все еще под впечатлением этой встречи, так и осталась сидеть за столиком. «Когда мы с Женей познакомились? Лет шесть назад или даже семь уже!»

...Евгений Журкин был тогда аспирантом экономического вуза, чрезвычайно энергичным и бойким, таких обычно называют «живчиками». Он сразу же влюбился в Марусю, наверное, по принципу «противоположности сходятся» – она, наивная, чуть медлительная и потрясающе бесхитростная на тот момент (теперь-то она хоть как-то, но приспособилась к жизни!), сумела поразить его воображение.

Евгений Журкин сразу же вознамерился жениться на ней. Но тут в дело вмешалась Инга Савельевна, дама с характером, которая знала все лучше всех. Она заявила, что бывшая спортсменка Маруся никак не может быть парой Женечке, такому тонкому и такому высокообразованному юноше, и ступила на тропу войны. Противниками стали ее собственный сын и «эта его новая» (то бишь Маруся).

В союзники себе она записала Роланда Германовича, своего давнего спутника жизни. Они были вместе очень давно, но Роланд Германович очень упорно не желал себя связывать узами брака (может быть, именно это обстоятельство столь сильно повлияло на характер Инги Савельевны?). Да, они жили вместе, да, он выполнял все требования своей гражданской жены, но официально узаконить отношения был категорически не согласен. Штампик в паспорте – тот последний бастион, который Роланд Германович решительно отказывался сдать.

Так вот, отчим перешел на сторону матери, и началась война.

Если Инга Савельевна была мастерицей на всякие хитрости и тонко завуалированные шпильки, то Роланд Германович рубил сплеча. Он мог ворваться в жилище Маруси, перепугав до смерти Виталика с Алевтиной, и разразиться гневным монологом. Говорил Роланд Германович очень связно, красиво, любил умные слова и заковыристые обороты, но по существу его речь была пустой и бессодержательной. Сводилась она приблизительно к следующему: «Когда ты, дрянь такая, от нашего мальчика отстанешь? Мы тебе покажем кузькину мать!»

К сожалению, Алевтина с Виталиком это не понимали. Они видели перед собой чрезвычайно импозантного пожилого человека, мечущего грома и молнии, и сильно пугались (особенно Алевтина, а Виталик лишь на короткое время отвлекался от своих трагических мыслей).

Маруся Роланда сначала тоже очень боялась. Он выглядел сногшибательно – как самый настоящий аристократ. Как уже говорилось – внушительно-немолодой, благородно-седой, сдержанно-худощавый... С чуть красноватым лицом, в очках, безупречно одетый Роланд Германович очень уважал итальянскую моду. А также все те мелочи, которые и создают стиль, – запонки, рубашки голландского полотна, часы, заколки для галстука, портмоне, кашне и т. д. и т. п.... Оправа очков – от Диора, стекла – от Цейса.

Роланд Германович занимал какую-то довольно высокую должность в Министерстве иностранных дел, а до того работал то ли в ООН, то ли еще где. Был выпускником закрытой спецшколы, учился в МГИМО. У Роланда Германовича родители были дипломатами еще при Сталине и Хрущеве, и потому мальчик получил все самое лучшее от жизни. Благодаря связям он учился и работал в самых престижных местах. Его карьера была блестяща и безупречна.

Он тщательно поддерживал имидж плейбоя и потому так ни разу в жизни не был женат.

Он был грозой дома, в котором жил, – вечно гонял жильцов, которые то ремонт затягивали дольше положенного, то собак без намордника выводили. Дворник, уборщица и консержка чуть не в обморок падали, заметив издали Роланда Германовича, – так они перед ним трепетали.

В самом деле, нельзя было не трепетать, увидев Роланда Германовича Алова, этакое современное воплощение Зевса – немолодого, красивого, грозного!

И очень мало кто догадывался, что Роланд Германович – дурак.

Это было не оскорбление. Это был диагноз.

Года через два Маруся с Женей все-таки поженились, и волей-неволей она стала свидетельницей жизни Журкиных-Аловых.

Роланд Германович писал свои указания и пожелания на ноутбуке, затем распечатывал их на принтере и вручал домработнице Кате. Мог позвонить Инге Савельевне с мужской вечеринки, где собирались такие же высокопоставленные старперы, и заявить жестко: «Инга, легкое масло – это яд. Выброси его немедленно из холодильника!» Или: «Инга, Катю надо уволить. Мне только что рекомендовали филиппинку!»

Скорее всего, эти высказывания формировались под влиянием какого-нибудь дружка, разругавшего только что легкое масло, или упомянувшего, что нынче очень модны филиппинки в роли домработниц, но боже, с каким апломбом это все преподносилось!

Инга Савельевна нисколько его не слушала, она сама решала, что есть, что пить, как жить и каких домработниц выбирать. Она держала Роланда Германовича под каблуком, и он был в полном у нее повиновении.

Однажды Марусе попался в руки его дневник из крокодиловой кожи, с золотым тиснением. Она не собиралась его читать, перевернула несколько страниц, еще не зная, что это дневник Роланда Германовича, просто любуясь роскошной книгой.

«16 марта. Мыл голову. Очень устал на работе. Вечером смотрел первую серию „Крестного отца“. Едва сдержал слезы. Спал плохо, много думал.

17 марта. Герпес. Из дома решил не выходить.

18 марта. Мыл голову. Говорили с Ингой о современной литературе. Надо купить Борхеса, как она рекомендовала.

19 марта. Купил Борхеса. Начал читать, но потом бросил, смотрел продолжение «Крестного отца».

20 марта. Мыл голову. У Манукейского родился внук. Ездили с Ингой поздравлять. Не до Борхеса.

21 марта. Катя решительно невыносима. Хлорка – это яд, надо рекомендовать ей другие средства. Какие? (Спросить у Манукейского, он близко знаком с замминистра химической промышленности.)

22 марта. Борхес – бездарность. Невозможно читать! Забыл вымыть голову...»

Маруся, когда поняла, что Роланд Германович не так сложен, как могло показаться с первого взгляда, быстро нашла к нему подход.

Как только тот начинал на нее грозно надвигаться, сверкая отполированными, неведомо-прозрачными стеклами очков, она быстро спрашивала: «Роланд Германович, а что вы думаете о российско-английском саммите?» Или – как тот относится к переговорам в Женеве? Или еще вариант – насколько сильное влияние оказала колонизация на Индию?

Роланд Германович моментально сбивался: красиво, жестко, ярко, обтекаемо принимался рассуждать на заданную тему. Маруся молчала и делала вид, что внимательно слушает. Однажды, без всякого перехода, в конце очередного своего монолога Роланд Германович заявил – он совершенно не понимает, почему Инга ополчилась на нее и что она, Маруся, замечательная девушка, но он никогда не расскажет о своих мыслях Инге Савельевне, поскольку «надо уметь расставлять приоритеты».

Единственной, кто открыто решился признать Марусю в семействе Журкиных-Аловых, была Марлен.

Марлен Марковна Моисеева, если точнее.

Та самая, которая была в шестидесятых оперной примой в Большом и чье имя гремело на весь мир. Она была потрясающе красива и невероятно вспыльчива. Больше всего на свете Марлен ценила свободу.

Ценила до такой степени, что однажды, во время гастролей в Париже, сбежала из труппы. Она просила французского гражданства, и ей его дали. Разразился дикий скандал. На родине у Марлен остался муж и сын (покойный отец Жени). Муж отрекся от жены, а сын, к тому времени уже подросток, проклял мать.

Долгие годы Марлен блистала на чужой сцене, была еще дважды замужем, и со всеми своими мужьями разругалась в пух и прах.

Она сильно подпортила жизнь своим родным, оставшимся в Союзе, – времена были суровыми, шла борьба с отщепенцами и диссидентами. Это, а также сам факт того, что родная мать бросила его, очень повлияло на характер сына. Он возненавидел ее лютой ненавистью. Вырос и сменил свою фамилию на фамилию жены, из Моисеева стал Журкиным. Когда родился сын Женя, он передал по наследству свою ненависть и ему.

Отец умер довольно рано, но Женя продолжал ненавидеть бабушку Марлен. И Инга Савельевна, кстати, тоже дежурно ненавидела свекровь («Я бы никогда не поступила так со своим сыном!»).

Роланд Германович, вскоре ставший членом семьи, также был обязан проклинать Марлен, которую даже в глаза не видел. Что он прилежно и делал – видимо, Роланд Германович живо представил, как его блестящую карьеру могла бы испортить подобная отщепенка!

Неожиданно в конце восьмидесятых времена изменились и прежний мир стал рушиться на глазах. Диссиденты стали героями, отщепенцев возвели в ранг мучеников тоталитарного строя – словом, все перевернулось с ног на голову.

Марлен могла спокойно вернуться на родину.

Марлен.

...Ее называли так в честь основоположников марксизма-ленинизма. Потом, за границей, она была просто Марлен, и это имя там ни у кого не вызывало удивления. Марлен Дитрих, Марлен Моисеева...

Несмотря на свою вспыльчивость и вздорный характер, она могла приспособиться ко всему. Она принадлежала к тем живучим, непотопляемым особам, которые никогда не страдают от меланхолии, ностальгии и никогда не признают собственных ошибок. Которые работают как лошади, отдыхают на все сто, постоянно теряют что-то – перчатки, колечки, зонтики, сумочки... И которым постоянно везет по-крупному. Она могла потерять колечко с бриллиантом – и тут же выйти замуж за миллионера. А потом, ничуть не сожалея, с миллионером развестись... И найти уже миллиардера, владельца алмазных копей. Получить в дар бесценный бриллиант размером с булыжник, которому позавидовала бы английская королева, – и тут же посеять его. Бросить миллиардера – и получить любовь публики, заваливавшей ее цветами на сцене Гранд-опера...

Ее обожали, ею восхищались, ее превозносили. Женщина-праздник, женщина-комета, женщина-вамп и, как ни странно, – женщина-клоун. Она умела острить, ее высказывания цити-

ровались прессой, ее боялись как огня и в то же время – жаждали попасть к ней на язычок, ибо лучшей рекламы найти было нельзя.

Марлен – некоронованная королева, которой было дозволено все. Воплощение радости. Праздника жизни. Сумасбродка и транжира. Ее славе завидовали больше, чем деньгам...

Так вот, эта самая Марлен, уже после того как упал железный занавес, вздумала съездить на родину, чтобы повидать своего внука (бывший супруг да и сын к тому времени давно скончались).

Перед семейством Журкиных-Аловых встала сложная дилемма. С одной стороны, они должны были быть последовательными и продолжать проклинать отщепенку и кукушку Марлен, с другой – слухи о ее богатстве сильно будоражили воображение.

На семейном совете после долгих дебатов было решено – Марлен принять, но как бы нехотя, через силу. Дав ей понять, что они не могут забыть ей предательства, но, как истинные гуманисты, верят в ее раскаяние. Они даже готовы простить ее – простил же Христос своих мучителей!

Маруся, уже ставшая законной женой Жени Журкина, была непосредственной свидетельницей всех этих событий.

Марлен с большой помпой прибыла в Москву, остановилась в самой лучшей гостинице и немедленно принялась принимать своих старых друзей и недругов, из тех, кто остался в живых, и все равно их было очень много... Она давала интервью, она побывала в Большом, ответила нечто едкое и сногшибательное какой-то нынешней звезде, вздумавшей дерзить ей (эту цитату позже смаковали все газеты, все телевизионные каналы), после чего звезда моментально погасла и публика даже удивилась – надо же, и как мы все не замечали, что она, звездулька эта, такое на самом деле ничтожество!

Марлен выступила на нескольких ток-шоу – в нее моментально все влюбились. Потом разругала некоего журналиста, слывшего «совестью нации», и часть публики ее возненавидела. Один из олигархов, большой поклонник ее таланта, подарил Марлен яйцо Фаберже, которое чуть ли не на следующий день было украдено (потом найдено, потом без всякого сожаления отдано Марлен в музей, после чего олигарх ее возненавидел, а Марлен в ответ произнесла нечто такое, что опять цитировалось по всей стране...).

Словом, дел у старухи была масса, семейство Журкиных-Аловых недоумевало – отчего же Марлен о них-то никак не вспомнит? А самим напоминать о себе было вроде как-то неловко...

Марлен заявила к родне уже тогда, когда шум улегся, и в сводках новостей стала мусолиться совсем другая сенсация. Старухе надоело всеобщее внимание, и она, словно мановением руки, погасила ажиотаж вокруг своего имени.

Маруся увидела ее своими глазами – маленькую, совершенно седую (головка ее напоминала одуванчик), с блестящими черными очами (сорок лет назад, в партии Кармен, она блистала!), аппетитно-кругленькую (всегда была склонна к полноте), очень бодрую и живую.

Напрасно семейство Журкиных-Аловых репетировало эту встречу, все домашние заготовки полетели к черту – Марлен мигом расставила все по своим местам. Она сразу дала понять, что ей безразлично – осуждают ее или любят. Инге Савельевне, своей невестке, она прошептала на ушко нечто такое, что Инга Савельевна до конца вечера просидела молча, ни разу не открыв рот и выпучив глаза... Роланду Германовичу Марлен немедленно дала понять, что считает его клиническим идиотом, и он вообще тут никто, сбоку припека. Женьку, родного внука, немного покритиковала – но так, что, по большому счету, обижаться ему было нечего.

Марусю же она расцеловала и битых два часа болтала с ней обо всякой ерунде. Например – чем хорош летний дождь и как правильно выполнить тройной «тулуп» (это при всем при том, что Марлен ни разу не стояла на коньках!).

Маруся честно с ней говорила, не испытывая ни восхищения, ни ненависти.

А потом старуха укатила обратно в Париж, заявив в прощальном интервью, что Москва ей изрядно надоела.

...Теперь, сидя в вокзальном кафе, Маруся вспоминала все перипетии своей жизни с Женей Журкиным. Он не был ни плохим, ни хорошим, а расстались они потому, что были слишком разные.

Бог с ними со всеми – с Женей, Ингой Савельвной, Роландом Германовичем, безумной Марлен. Пусть живут как хотят!

Теперь, когда у Маруси был Арсений Бережной, она поняла, что стала абсолютно счастлива.

Она осознала это именно сейчас, когда увидела своего бывшего мужа и увидела ту пропасть, которая разделяла Арсения и всех прочих мужчин...

Арсений позвонил ей вечером и сказал, что скучает. Фоном слышался смех и звон посуды.

– Много не пей, – подумав, строго сказала Маруся. – И... и веди себя прилично!

– Обещаю, – кротко ответил тот.

Ревновала ли Маруся Арсения?

Людмила считала, что Маруся непременно должна его ревновать. Ну как же, такая профессия, эти отъезды непонятно куда и непонятно с кем, эта театрално-кинематографическая тусовка, в которой творится неизвестно что!

Маруся уже довольно хорошо знала друзей и коллег Арсения, представляла, как и чем они живут. Не образцы благочестия, мягко выражаясь. Да и вообще она не совсем слепой была, понимала – от большинства мужчин, будь они хоть кем по профессии – особой верности ждать нельзя.

Людмила всегда напоминала Марусе, насколько легко та сошлась с ним, насколько просто Арсений познакомился с Марусей. «Ведь он так и с другими! – говорила она. – Поманил пальчиком – и все! Этот твой Бережной – такой красавчик, такой болтун – любую заболтает. А как только скажет, что актер, – все, они сами на него начнут вешаться...»

Но Маруся успела изучить Арсения, успела понять, отчего их роман со стороны казался столь стремительным.

Арсений не желал славы Дон Жуана. Он просто хотел, чтобы его любили. Он – инфантильный, нежный, наивный, дерзкий – был абсолютно беззащитен. Большой ребенок, для которого невыносимо, когда дома никого нет, когда его не ждут, когда о нем не заботятся и когда не на кого выплеснуть *свою* любовь... Ребенок, которому нужна только одна женщина. (Ведь ребенку нужна только одна-единственная – его мать.) Он не захотел отпускать от себя Марусю, потому что сразу понял: она – та самая, единственная.

Их роман был столь скоропалителен именно потому, что раньше ничего подобного с ними не происходило. Зачем думать, зачем проверять друг друга, выгадывать и рассчитывать, когда сразу стало ясно, они – половинки единого целого. И говорилось Арсению с Марусей так легко именно потому, что она его не просто слушала, а еще и слышала. Позже у Маруси было несколько случаев убедиться в том, что Арсений вовсе не так легко сходилась с людьми, как могло показаться с первого взгляда.

Их роман был сколь бурным, столь и умиротворенным. Если они и ссорились, то быстро мирились. Они с готовностью прощали друг друга и просили прощения, даже когда вовсе не оказывались виноватыми. Да, они были разными, но они были и одинаковыми. И эта вечная, давняя, неутоленная, почти безнадежная жажда – быть не одним (не одной), забиться под чье-то крылышко, прижаться к родному человеку – не отпускать, не выпускать, находиться всегда вместе, а если не вместе, то – смерть...

Да, друзья Бережного были в основном теми людьми, которые многое могли себе позволить, но они вполне понимали Арсения и, более того, уважали его. По-хорошему завидовали

тому, что он был именно такой, непохожий на многих. Ведь он, в отличие от других, не пытался создать себе имидж, не стеснялся быть самим собой и открыто демонстрировал свои чувства: «Вы правы, я не из тех, кого принято считать „настоящими мужиками“. Но мне на это плевать. Можете смеяться сколько угодно, но я свою Марусечку не предаю, и другие женщины мне до лампочки!»

Самое интересное, но никто над ним не смеялся, и все его друзья-знакомые единодушно приняли Марусю в свой круг, моментально смирились с ее существованием в жизни Арсения. В конце концов, именно такую «Марусечку» он и искал...

Через некоторое время после знакомства Арсений рассказал Марусе все о себе. Детство, отрочество, юность. Потом – простая и грустная история: несколько лет он любил одну девушку, мечтал на ней жениться, всюду преследовал ее, но, в конце концов, девица сбежала от него в Нью-Йорк и вышла замуж за русскоязычного американца, некоего Изю Зильбермана, с которым до того познакомилась по Интернету. У Зильбермана была шикарная собачья парикмахерская, в которой стригли своих любимцев все тамошние звезды шоу-бизнеса.

И все.

Если не считать однодневных романов, у Арсения больше никого не было. Маруся, когда выслушала все это, поклялась сама себе, что никогда не сбежит от него, пусть даже сам принц Уэльский примется соблазнять ее – дудки!

...На следующее после своего отъезда утро Арсений снова позвонил ей – пожелать доброго утра. Потом звонил в обед и сообщил, что погода не позволяет начать съемки. Потом она сама позвонила ему вечером и пожаловалась, что скучает. Он перезвонил через десять минут и сказал, что тоже дико скучает без нее. То есть, он начал скучать по ней сразу, как только сел в поезд, а сейчас с ним просто что-то страшное творится! Погода улучшилось, зато помощник режиссера ушел в запой...

Целый месяц они перезванивались каждый день, ухнули уйму денег на эти переговоры.

Любовь к Арсению настолько переполняла Марусю, что она так и не устроилась на работу, хотя все время собиралась это сделать.

Прошел месяц. Арсений приехал рано утром. Ввалился домой и сразу же бросился к ней – сонной, испуганной, еще не верящей в свое счастье. Он – пахнувший весенним ветром, коньяком, железной дорогой, лег рядом с ней, обнял и долго ничего не мог сказать, лишь в морщинках зажмуренных глаз блестели слезы. Обычно Сеня все время говорил что-то, а тут просто молчал.

Это настолько поразило Марусю, что она принялась судорожно целовать его, потом обняла изо всех сил, и они очень долго лежали неподвижно, наслаждаясь тем, что просто были рядом.

– Маруська, я чуть не умер без тебя... – наконец едва слышно прошептал он.

Это была странная любовь, совсем не похожая на ту, что описывалась в романах и кинофильмах. Она была смешной, наивной, даже какой-то детской – хотя они были давно уже взрослыми людьми. Они удивляли и забавляли окружающих своей любовью, своим постоянным желанием быть рядом.

Арсений продолжал работать в театре, иногда снимался в эпизодических ролях и мечтал о большем.

– Дурацкая эта актерская профессия! – однажды, уже в который раз, пожаловался он Марусе. – Я чувствую, что способен на многое, а играю каких-то идиотов.

– Ты хотел бы быть известным? – спросила она.

– Да нет, дело не в этом... Я вообще об этой профессии! Прикинь – сколько талантов сгорело зря, так и не востребованных, никому не нужных... Какое кладбище несыгранных ролей! И слава, успех – ничего не решают. Сначала ты у всех на слуху, а потом безнадежно забыт. Мало снимают – плохо. Много – твоя рожа всем надоедает.

– У тебя не рожа, у тебя лицо... – Маруся сжала ладонями его щеки, нежно поцеловала его глаза. – Ты красавец.

– Да это только ты так считаешь, – весело засмеялся Арсений. – Вот хорошо актрисам – выскочили замуж за режиссера, и он потом снимает их в своих картинах всю жизнь...

– Ну, это ты придумываешь! – тоже засмеялась Маруся. – На всех актрис режиссеров не хватит!

– А как жалко тех, о ком забыли... Помнишь Валентину Серову? Гремела на всю страну. Слава, деньги, муж – Константин Симонов, дети... А потом спилась и умерла. Где она, эта слава? Рассеялась в воздухе, точно дым, не спасла от падения... А Рыбников? Николай Рыбников... Тоже умер всеми забытый. Страшно за молодых девчонок и ребят, стремящихся стать актерами, – как быстро кончается их звездная жизнь, и они – красивые, умные, молодые, талантливые – простаивают без дела. Есть единицы, востребованные всегда, которых до самой смерти любит операторская камера и публика, но их очень мало.

– Чего же ты хочешь? – расстроено спросила Маруся. – Если ты даже в известность не веришь...

– Я не знаю, – ответил Арсений.

Маруся переживала за него всей душой, однажды она даже тайком пошла в церковь и попросила у бога хороших ролей для Арсения: «Добрый боженька, ты же знаешь – он хороший человек, он достоин лучшего! Он достойно воспримет славу, у него не снесет голову от успеха. Я так хочу, чтобы он был счастлив! А сама я у тебя ничего не буду просить. Если надо, возьми у меня и отдай ему...»

Летом у Людмилы и Богдана была свадьба. Безумно красивая, роскошная, запоминающаяся.

– Вот видишь, Маруся, это я все своими руками сделала! – после церемонии прошептала на ухо Марусе задыхающаяся от восторга невеста. – А ты все ушами хлопаешь!

– Ну тебя! – беззлобно отмахнулась та.

– Ты все-таки дурочка!

– Да чем же это я дурочка, если люблю Сеню и никого мне больше не надо?..

– Вот именно – ты влюбилась! – сердито прошептала Людмила. – Разве ты не понимаешь, что влюбляться – нельзя! Это уже неприлично и глупо – в наше-то время! Настолько потерять голову – недопустимо! Вы вот когда поженитесь? Твой Сенечка тебе хоть предложение делал?

– Да. И много раз, – с гордостью ответила Маруся. – Вот мы с Жэ Жэ моим разведемся...

Но развестись с Жэ Жэ – Женей Журкиным – все было недосуг. То одно, то другое... Собственно, на работу Маруся тоже не устроилась, да и квартирный вопрос они с Арсением не разрешили. Так и жили в его квартире, а Марусина комната простаивала без толку, и лишь иногда Маруся заезжала к себе, чтобы прибраться да перевезти некоторые вещи.

Они с Арсением совершенно не замечали времени и жили одним днем. Все свои дела откладывали на завтра...

Больше трех лет Арсений и Маруся прожили вместе.

Говорят, что примерно уже года через два страсть немного остывает, превращается в дружескую приязнь, в привычку, но ничего подобного с Марусей и Арсением не произошло. Их чувства ни на градус не стали холоднее, долгое совместное проживание не стало привычным – каждый раз, просыпаясь вместе, они восхищались друг другом, словно при первой встрече.

Однажды осенью Арсений пришел вечером домой, притащив ящик хорошего шампанского.

– Сегодня гости будут? – с любопытством, безо всякого удивления спросила Маруся, повиснув у него на шее.

– Нет. Это для нас.

– Так много... – немного осуждающе произнесла она. – Сенька, ты и так почти каждый день пьешь!

Маруся все еще помнила слова Жэ Жэ, считавшего каждого актера алкоголиком.

– Сегодня, Марусечка, особый день, – загадочно ответил Арсений. – Его нельзя не отметить.

– Какой же? Ну, говори! – нетерпеливо затормошила Маруся его.

Он закрыл глаза и повернулся вокруг себя, словно танцуя. Тонкий, высокий, с длинными золотистыми волосами, темными у корней, со свежим розовым лицом – ни работа, ни частые вечеринки, ни бессонница, ни постоянный грим, ни возраст (к этому моменту Арсению исполнилось уже тридцать семь лет) – ничего не влияло на него. Он выглядел все еще легковесным юношей, а никак не зрелым мужчиной.

– Маруська, я прошел пробы. У Михайлова. Я боялся, что не пройду, и потому не сказал тебе об этом раньше. А теперь меня окончательно утвердили на роль.

– Погоди-погоди... – растерялась Маруся. – У какого Михайлова? – она сама боялась поверить. – У Андрея Михайлова? – едва выговорила она фамилию известного на всю страну режиссера.

– Нуда!

– Се-неч-ка... – Она прижала руки к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. – С ума сойти!

– Если честно, он сразу сказал, что именно меня видит в этой роли, но для проформы сделал еще несколько проб с другими актерами. Нет, – говорит потом, – Арсений Владимирович, я окончательно утвердился во мнении, что именно вы должны играть Назанского!

– Кого?

– Назанского. Это мой персонаж.

– Главная роль? – едва выдохнула Маруся.

– Одна из главных, – Арсений достал из ящика бутылку шампанского, ловко откупорил ее. Маруся быстро подставила бокалы... Они чокнулись, глядя друг на друга.

– За тебя.

– За тебя, – машинально повторил за Марусей Арсений.

– Да не надо за меня, сегодня только за тебя! – рассердилась Маруся. – Это ведь ты пробы прошел, а не я! И не я у Михайлова играть буду... Слушай, а кто это такой – Назанский?

– Это из Куприна, из романа «Поединок». Время действия – конец девятнадцатого века. Там про офицеров, про дуэли, про любовь... Много всего накручено. Ты же знаешь, Михайлов помешан на этой теме. Прошлый его фильм, который он лет десять назад снимал, о юнкерах – «Оскара» не получил, но за этот фильм он точно его получит. Так, по крайней мере, все говорят! – с мягкой иронией засмеялся Арсений.

– Сенечка, это потрясающе... – от волнения Маруся расплескала бокал, но Арсений быстро налил ей еще. Они чокнулись, снова выпили. «Господи, спасибо тебе! Спасибо, что услышал меня!» От волнения ее все еще продолжала сотрясать внутренняя дрожь. Андрей Михайлов считался мэтром, гением, провокатором, скандалистом, романтиком, холодным рационалистом, злодеем, спасителем... Словом, он официально числился режиссером «номер один» в российском кино, его физиономию знал каждый. Одни проклинали его, другие превозносили. И все, практически все без исключения актеры мечтали сняться у Михайлова. О подобной удаче Маруся даже мечтать не могла.

– Съёмки будут проходить в Подмоскowie, в одной из усадеб. Так что надолго расставаться не придется, я буду часто приезжать... Это еще один плюс, – сказал Арсений и поцеловал ее ледяными от шампанского губами.

Они выпили еще.

Маруся вдруг полезла в книжный шкаф, достала томик Куприна, нашла роман «Поединок», быстро пролистала его, убедилась, что фамилия «Назанский» мелькает довольно часто, ощутила новый прилив восторга.

– Маруся, да сядь ты... – засмеялся Арсений.

– Вот ты послушай! – Она наугад раскрыла одну из страниц. – «Никогда еще лицо Назанского, даже в его лучшие, трезвые минуты, не казалось Ромашову таким красивым и интересным. Золотые волосы падали крупными цельными локонами вокруг его высокого, чистого лба... Ясные, чуть-чуть влажные голубые глаза смотрели оживленно, умно и кротко. Даже цвет этого красивого, правильного лица поражал своим ровным, нежным, розовым тоном...» Господи, Сенька, да это же ты, вылитый ты! – возбужденно закричала Маруся. – «...и только очень опытный взгляд различил бы в этой кажущейся свежести, вместе с некоторой опухлостью черт, результат алкогольного воспаления крови...» – закончила она уже несколько растерянно. – Ну, это уже не совсем ты... А так все очень даже совпадает! И волосы, и цвет глаз, и их выражение!

Арсений засмеялся, глядя на нее.

– Что? – сердито спросила Маруся, отведя от лица прядь волос.

– Ты такая смешная. Такая милая... – Он потянулся к ней.

– погоди, – увернулась Маруся и перелистнула еще несколько страниц. Она не выпускала книгу из рук. – Вот они тут беседуют – этот Ромашов и Назанский... Слушай, это твой герой: «...я говорю о любви в самом прямом, телесном смысле. Но она – удел избранных. Вот вам пример: все люди обладают музыкальным слухом, но у миллионов он, как у рыбы трески или как у штабс-капитана Васильченки, а один из этого миллиона – Бетховен. Так во всем: в поэзии, в искусстве, в мудрости... И любовь, говорю я вам, имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов».

– Маруся, я все это прекрасно знаю, у меня вон в портфеле сценарий лежит!

– Ты знаешь, а я не знаю, – резонно возразила она. – погоди, а что это значит – «вершины, доступные лишь единицам из миллионов»? Больно сложно как-то...

– Наоборот, все очень просто, – усмехнулся Арсений и принялся открывать вторую бутылку. Заметив осуждающий Марусин взгляд, пожал плечами, пояснил: – Вхожу в образ! – потом, налив себе шампанского, помолчал немного. – Мы очень много говорили об этом с Михайловым, когда он объяснял мне мою задачу... Идея нашего фильма будет заключаться в том, что любовь – это чувство, доступное не всем. Эксклюзив, так сказать... – добавил со смешком.

– Странно... – пробормотала Маруся.

– Что – странно? А ты думала, что любить умеют все?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.